САВЕЛІЙ ГРАБЪ,

или

двойникъ.

Въ одной изъ Ново-россійскихъ полуукраинскихъ губерній нашихъ, проживалъ помъщикъ Сергъй Сергъевичъ Бабачекъ. Онъ прослужилъ, по гражданской части, въ поту лица своего, 35 лътъ, тихо, смирно, осторожно, все молчаль, вздыхая, потирая лобъ, и - 35 л \pm тъ время долгое; набъгала и случалась всякая всячина; кто хльба бъгаетъ? Сергъй Сергъевичъ потихоньку да помаленьку скопиль сколотиль что было можно; а чего нельзя, затъмъ онъ и не гонялся. Женившись на дочери тамошняго помѣщика, взялъ онъ за женою деревеньку, Шпиговку, но вскоръ указательнымъ почесываться началъ лѣвой руки **3a** пальцемъ ухомъ: что знакомъ неудовольствія служило И случилось именно когда онъ увидълъ, что на Шпиговкъ было столько же долгу, во

сколько оцѣнилъ онъ приданое жены своей, Степаниды Ооминишны, прокинувъ на счетахъ число душъ и число десятинъ. Со счетами же Сергѣй Сергѣевичъ такъ свыкся и сжился, впродолженіе тридцати—пяти—лѣтней службы своей, что даже не могъ уснуть ночью, если ихъ не было на столикѣ, подъ рукою. По этому Сергѣй Сергѣевичъ не прокидывался на счетахъ никогда, не ошибался.

Дѣлать было однакоже нечего; Сергъй Сергъевичъ выкупилъ деревеньку своего кармана, сталъ хлопотать, сколько было ему воли и власти отъ Степаниды Өоминишны, о приведеніи дѣлъ Степанида Ооминишна порядокъ — НО вскоръ устранила его вовсе отъ всъхъ хлопотъ и заботъ по управленію имѣніемъ, предоставивъ ему только голосъ семейномъ совътъ о тяжебныхъ дълахъ и дѣловой перепискѣ; но природа какъ Сергѣевичу, Сергъю сравнительно голосъ ръшительно супругою его, ВЪ отказала, то вся выгода, которую Бабачекъ пріобрѣлъ супружества отъ законнаго

своего, была та, что Степанида Өоминишна выростила и выкормила ему полонъ домъ говоритъ кто девять, извъстно только достовърно, тринадцать; ихъ было ничетъ. И что число безгласный хозяинъ своего добра по неволъ забавлялся только иногда тѣмъ, прокидывалъ провърялъ на счетахъ нечетное число ребять и дъвчонокъ своихъ, то есть дътей, и скидываль съ костей тъхъ, отдалъ на службу которыхъ уже пристроилъ, а иногда и слѣдующихъ тъмъ, въ надеждъ сбыть съ рукъ вскоръ и этихъ; а потомъ клалъ опять преспокойно счеты на завътное мъстечко.

Двухъ взрослыхъ барышень, невъстъ Настасью и Меланью, Сергъй Сергъевичъ самъ обучалъ играть на гусляхъ и этимъ ограничивалось ихъ свътское воспитаніе; домашнее, хозяйственное воспитаніе было разумъется въ рукахъ у матери и дальше увидимъ, Степанида какъ **Ооминишна** дочерямъ сама подавала примъръ доброй и расчетливой своимъ хозяйки. Старшій сынокъ, Митенька, малый

любимое пятнадцати, дътище лѣтъ баловень матери, жилъ еще дома, равно какъ и съ пятокъ младшихъ; двоихъ же среднихъ, чтобы избавиться отъ шуму и уберечь гусей, **СТЯТУ** ихъ индюшекъ отъ мъткихъ ихъ самостръловъ, пристроили уже въ Черноморскій флоть время оно водилось гардемаринами. Тамъ они носили уже вицемундиры съ кортиками и бъгали иногда, въ изорванныхъ сапогахъ, на попову балку, стрѣлять изъ камышевыхъ и деревянныхъ пушекъ и гонять на бойняхъ собакъ, или ходили за мостъ, выдирать изъ крутаго прибережья гнъзды щуровъ. Но это все равно для насъ; благо оба они пристроены и Сергъй Сергъевичъ И отъ объ избавились: нихъ предупреждаю читателя, болъе не будетъ и ръчи.

Сегодня праздновали именины старшей дочери, Настасьи, а на завтра былъ день рожденія, второй, Меланіи. Эти два дня всегда праздновались вмѣстѣ, и нынѣ, какъ изстари, гости начали съѣзжаться со всѣхъ

концовъ, чтобы пропировать два праздника сряду. Выпотрошенныя курицы лежали уже чинно и попарно, на кухонномъ столѣ; старый воль, который сходиль уже разъ одинадцать подъ Перекопь за солью, или въ арнауткой, СЪ былъ преданъ семейному пиру на жертву; задорный теленокъ, который надоъдалъ Степанидъ Өоминишнъ тъмъ, что всегда высасывалъ дойныхъ коровъ, былъ также обреченъ съѣденію; и знаменитый Савка – поваръ, дворецкій, винокурь, охотникь, иногда и кучеръ, онъ же садовникъ, лекарь, коновалъ, строитель мельницъ, колодцевъ и голубятень, а по сему послъднему въ особенности правая рука Дмитрія Сергъевича, – Митеньки, который славился сивобокими черногривыми, рыжехвостыми вертунами своими, - Савка изъ кожи лѣзъ, чтобы всѣмъ сладить, все уладить и поставить на-ноги два объда и ужина. Родъ паштета, на-манеръ битаго, фрикасе безъ костей, соусъ подъ наливой, жареное сверху И съ низу, чудакъ-рыба подъ насъчкою и спускомъ

(судакъ СЪ подливой), дура-птица (индъйка господскими кишками СЪ начинкой), прошивкой русакъ СЪ (шпигованный заяцъ) и наконецъ ижица съ точкой, то есть пирожное – такъ, только еще подробнъе и обстоятельнъе, доносилъ Савка Митенькъ о качествъ и количествъ блюдъ для нынъшняго объда, помиралъ смъху. А когда \mathbf{co} «какъ быть; продолжаль: надо показать ремешкомъ; надо скатерть хльбосолку съ чернаго конца на красный хоть зубами натянуть – а лопнетъ, такъ и то не бъда, зашилъ, зачинилъ, какъ съ гуся вода...» то Митя продолжаль ревъть все тъмъ же заливнымъ хохотомъ, не понимая и не подозрѣвая даже, о чемъ тутъ идетъ рвчь.

На канунъ праздника была представлена дуо-драма въ лицахъ, не въ пользу Г-жи Бабачекъ, между нею сыномъ И Дмитріемъ. Послѣднее явленіе кончилось тъмъ, что вся дворня столпилась передней, а Настя и Мелаша насилу уняли просьбами розняли слезами, И И

разгиванную мать и обиженнаго сыночка ея. Они не много погорячились на счетъ вопроса, какихъ лошадей велъть заложить, чтобы послать за ближними сосъдями, Бублинскими: Митя, изволите видъть, съ нъкоторыми свыкся и сжился, называлъ ихъ премудреными именами, которыхъ у Савки было въ запасъ многое множество, называлъ ихъ своими и не хотълъ съ ними Сергъй Сергвевичъ, растаться. впродолженіе цълаго представленія, игралъ на гусляхъ: «Чъмъ тебя я огорчила,» съ варіяціями. Слѣдовательно, какъ водится, была и музыка, хотя только домашняя. У Бублинскихъ взрослый былъ по крайней мѣрѣ пасынокъ, такъ его обыкновенно величали – былъ пріемышъ Василько, Василій Өедоровичь, о которомъ шла молва, что онъ богатъ. Вотъ почему за ними послали рыдванъ съ записочкой, не оставить именинницу посъщеніемъ своимъ, съ фамиліею и семействомъ.

Время было около полудня и гости сильно стали съъзжаться. Что за потъшные снаряды для ъзды сползлись и

сгромоздились туть со всъхъ концовъ уъзда дворъ! ТУТЪ рыдванъ одинъ колымага, съ виду верблюдъ, по походкъ ТУТЪ какая-то линейка, черепаха; двоюродная сестра дрогамъ, на которыхъ у насъ возять покойниковъ; а воть линейка однодрогая, чемоданчика ПО два сторонъ, и къ нимъ сыромятные запоны или фартуки, смазанные дегтемъ; или взгляните эту двуспальную кровать, стойками, перекладинами, съ кожанными, подбитыми ситцемъ, занавъсами кольцахъ; это линейка шестимъстная, есть, въ нее садится 12 человъкъ. Въ тихую погоду и при небольшомъ навыкъ всегда можно было отгадать за полверсты, кто изъ сосъдей приближается въ колесницъ своей, по одному стуку и бряку разшатавшихся гаекъ, шинъ, скобъ и рваней. Экипажъ Степана Власовича Пушки въ особенности славился по околодку своеродностію звука, издаваемаго имъ той минуты, СЪ чубарый меринъ трогался мъста. СЪ Степанъ Пушка, Власовичъ старый холостякъ, отставной Гусарскій Маіоръ,

купилъ струментъ этотъ, какъ самъ онъ называлъ безыменную колесницу свою, въ губернскомъ городѣ, съ молотка. случилось, какъ Степанъ Власовичъ хорошо помнилъ, въ тотъ же годъ, Костюшку плѣннаго привезли Петербургъ; и съ тъхъ поръ Пушка ъздилъ безсмънно на этомъ струменть.

Степанъ Власовичъ былъ хохолъ гостепріименъ, смыслъ слова: радушенъ, шумливъ, крикливъ, шутливъ, острякъ, горячъ, хитеръ, вспыльчивъ какъ порохъ, добръ, иногда готовъ отдать другу послѣднюю рубаху; – если же Маіора чѣмъ нибудь раздражали, золь и лють до того, себя. помнилъ Когда уже не разъяренный Степанъ Власовичъ вскрикивалъ бывало не своимъ голосомъ: плетей! то все падало ницъ вокругъ него и ожидало участи трепетомъ СЪ Подгулявши, Пушка быль гораздо добрѣе, его не легко было разсердить, хитрость его ему измѣняла и онъ всякому повѣрялъ свои тайны. Степанъ Власовичъ былъ человъкъ добраго сердца и очень здраваго ума, но

прикидывался неучемъ и простякомъ, рѣзалъ всякому такую правду въ глаза, что иногда даже у неприкосновенныхъ къ дѣлу слушателей волосъ подымался дыбомъ. Пушка присвоилъ себъ право трунить надо всѣми, дурачить кого угодно; и никто не смълъ за это явно и гласно сердиться, обижаться этимъ, если не хотълъ попасть постоянные и безсмѣнные дураки. Маіору, казалось, ни до чего на свътъ не было дѣла, онъ не зналъ никакихъ уставовъ и общепринятыхъ условій общежитія, а жилъ независимо, на свой ладъ, говорилъ и дълалъ все по своему, какъ и что на умъ приходило, знался со всъми, а держаль въ какой-то зависимости отъ себя, всъхъ невольно заставлялъ уважать себя и нъкоторымъ образомъ даже бояться. А что Степанъ Власовичъ? скажетъ ЭТО на спрашивали всъ сосъди его другъ у друга или покрайней мъръ сами у себя, почти каждый разъ, когда что нибудь затъвали, когда волей или неволей подавали поводъ нибудь какому случаю КЪ происшествію. Но постояннымъ любимцемъ

Маіора быль загадочный пасынокъ Бублинскихъ, Василько. Съ этимъ они сиживали и толковали по цѣлымъ часамъ о всякой всячинѣ, и не рѣдко про себя, избѣгая повидимому третьяго собесѣдника.

И такъ, стукотня и брякотня колесъ и дрогъ, крикъ кучеровъ, лай собакъ, объятія звонкія лобзанія, ЭТО все угомонилось, а частію переселилось задній дворъ, гдъ откладывали лошадей, устанавливали колымаги, убирали упряжь, здоровались приправою сочныхъ СЪ прибаутокъ пряныхъ и расхищали, смъхомъ стожокъ крикомъ, шумомъ и плохонькаго, гостиннаго сънца. Одинъ клялся и божился, что съно это бурьяну близко сродни приходится; другой, что кони его храпять и боятся этого съна; третій увъряль, что на однихь репьяхь, коли выбрать ихъ изъ охабки этого сѣна, можно настоять бочку грушеваго квасу, и проч.

Между тъмъ въ барскихъ покояхъ все шло своимъ чередомъ и порядкомъ. Барыни въ гостинной чинно насидълись; барышни,

холодной вкругъ столпившись печи, вдоволь; нашушукались молодежъ, брызжахъ, полу, ВЪ кавалерскаго ситцевыхъ шейныхъ платкахъ, подъ цвътъ барышень, платьямъ нашаркались, и наловили съ три короба наломались оброненныхъ невзначай миловидныхъ взоровъ и вздоховъ и вытерли стѣны и двери спинами своими вокругъ; Сергъевичъ обощелъ уже все честное почетное общество съ двумя огромными подносами, слъдовавшими **3a** нимъ пятамъ, и низко кланялся передъ каждымъ гостемъ говорилъ едва И слышнымъ, несмѣлымъ сладенькимъ И голосомъ своимъ: «извольте матушка, или батюшка, покушать — не прогнѣваться, почтить насъ, отвъдать наливочки домашней, какова ни есть, жена да дѣти стряпали» — и получивъ отказъ или приказъ, продолжалъ, кланяясь: «терновки не угодно ли, а вотъ вишневкасъ, вотъ и смородиновка — или вы, можетъ, черной смородиновки не изволите кушать? вотъ горькая.... да хоть закусить не угодно ли чего...» Савка живо скинулъ съ себя

черный поварской передникъ свой, чтобы съиграть дворецкаго, уговорилъ Митеньку, который все еще сидълъ на кухнъ, снять съ плечъ своихъ и отдать ему на одинъ мигъ зеленый фракъ свой и часы, и замотавъ очень искусно одну руку въ салфетку, вошелъ въ гостинную и доложилъ громко и отрывисто, что кушать подали. Савка былъ малый бывалый, зналъ какъ что водится и дълается, и на этотъ счетъ даже сама Степанида Өоминишна съ нимъ не спорила, если только затъи его не требовали новыхъ расходовъ.

По слову вставшей съ мъста хозяйки: «милости просимъ,» вся армада снялась съ якоря. Старики старухи И пароваться, подавая принимая, И обязательнымъ словомъ или взглядомъ, локоть и руку, а молодцы наши стояли ощипываясь и охорашиваясь неподвижно по дѣвицы, ствнамъ; пошушукавъ пощебетавъ, обнявшись всѣ ВЪ одну плетеницу, насилу протъснились въ дверь столовой. Наконецъ и кавалерія, послъ убѣдительныхъ приглашеній хозяина,

приступая и отступая опять до нъсколькихъ разъ, тронулась всей гурьбой, выдвинулась въ столовую и выстроилась тамъ снова по стѣнамъ. Одинъ только Василько подошелъ Мелашѣ И свелъ ee къ именинница ушла уже въ первой парѣ, съ разсълось, маіоромъ. Когда все ЭТО размъстилось, примостилось и угомонилось, то для меня всего любопытнъе былъ – рядъ оннир усѣвшихся чепцовъ, пожилыхъ барынь. Это самомъ было ВЪ лълъ собраніе диковинное какихъ-то единственныхъ въ своемъ родъ кисейныхъ, филёшевыхъ и петинетовыхъ – тряпицъ этихъ тогда еще не называли тюлемъ и корабликовъ, кисейныхъ газомъ башень цвътниковъ, вавилонскихъ китайскихъ бесъдокъ съ флюгарками бубенчиками. Савка каждый разъ, послъ такого праздника, подавалъ вечеромъ на выръзанныя свѣчи хитро сальныя фигурки, бумажныя сложенныя покрою, и увърялъ, что снялъ выкройку съ Ивановны, чепца Авдотьи Анны или Поликарповны. Злые языки между прочимъ

расказывали, какъ извъстное дъло, Авдоть в Поликарповн мужъ ея, въ былое время, привезъ изъ столицы шляпку и укупоркъ чепчикъ: при вещей маршандемодка надъла чепчикъ на шляпку; но Авдоть Поликарповн это и въ голову она разъѣзжала пришло: всюду шляпкъ, на тулью которой вздътъ былъ чепчикъ, и увъряла всъхъ, что нынъ такая мода, что это прислано прямо изъ столицы. А что завезенный въ кои-въки разъ чепецъ новаго покрою надъвали задомъ напередъ, или бочкомъ и на изнанку, къ этому уже такъ привыкли въ окрестностяхъ Шпиговки, что даже почти не смъялись, если дъло и обнаруживалось и чепецъ, оборотившись, садился, какъ слъдуетъ, на свое мъсто. Изо-всего этого читатели видятъ, Савкъ было подлинно СЪ чего сымать выкройки образцы И ДЛЯ испанскихъ воротниковъ своихъ на сальныя свъчи.

Дурное вино расходилось, какъ шербетъ на байрамѣ; старички начали уже сопровождать жаркія пренія свои о политикѣ и винокурнѣ движеніями ножей и

вилокъ по воздуху; тетушки да кумушки сплетничали, приговаривали да поддакивали такъ, что любо слушать; барышни уже не только чирикали про себя, а вступали подъ ВЪ разговоръ СЪ супротивною молодежи. Разговоръ шеренгою конечно грузился только на плоскодонную разшиву и потому, не пускаясь въ открытое море, держался отмелей и береговъ; – это была, такъ сказать, бесъда каботажная, прибережная; но что нужды, все таки дъло впередъ, общее веселье Голосъ распространялось. Степана Власовича раздавался уже черезъ прикрикивалъ столовую, заглушалъ И голосовъ, которые успъвали десять не отшучиваться и отвертываться отъ колкихъ и ръзкихъ его замъчаній. Всеобщій хохотъ разливался иногда всему столу ПО старички утирали кулакомъ крупныя слезы. Вдругъ двинулся стулъ — другой — третій барыни и барышни соскочили, столпились кучу — ≪що тамъ таке?» спросилъ Пушка, поднявъ рюмку и протянувъ шею. «Ирина Титовна упала въ обморокъ, ей

сдѣлалось дурно.» — Впала? — возразилъ маіоръ, — ще тая буйволыця колысь кого нибудь задавыть — и выпилъ спокойно свою Между Савка тѣмъ вбѣжалъ опрометью съ бутылкою Цымлянскаго, что нынъ Шампанское, безъ котораго, какъ вы знаете, у насъ на Руси именинъ не бываетъ, и чуть не сбилъ съ ногъ, или върнъе съ Ирину Титовну, которую укладывать на постель. Савка стояль четвертой позиціи, натиснувъ пробку на бутылку и казалось спрашиваль всъхъ бъглымъ взоромъ: что же изъ этого будетъ? Хозяева опять просили садиться, но маіоръ, вставъ, громогласно сказалъ: «не садыться, бо впьять будете уставать: за здоровье имьянынныци! кто живъ, кто у Бога вируе, кричитъ ура!» ура! раздалось по цѣлому дому - Пушка провелъ ловко рюмкою по всъмъ пуговицамъ гусарской бекешки своей, снизу вверхъ и сверху въ низъ, и разбиль рюмку въ дребезги о каблукъ, замѣтивъ: «шкода, що нема шпорывъ!» Настасья, именинница, взяла высокую и поджарую рюмку въ руки, всѣ зашишикали,

Настя присѣла, отблагодарила смѣлымъ голосомъ, въ избранныхъ выраженіяхъ, поздравителей своихъ и ущипнула губками клубящуюся пѣну.

Шумный рой началъ расходиться гораздо съ меньшею жеманностію, чѣмъ садился Шумъ, **3a** столъ. разговоры, непринужденно переселились въ гостинную. Неуклюжіе Ганимеды полосатыхъ, тиковыхъ курткахъ набойчатыхъ шейныхъ платкахъ, взятые съ псарни и съ конюшни, разносили кофе, избочениваясь и перегибаясь со страхомъ впередъ и на бокъ и поднося огромный подносъ каждому гостю ПОДЪ локоть. Вскоръ все по маленьку утихло; разбрелись туда и сюда, по закоулкамъ и отводнымъ покоямъ, для отдыху. Русскій человъкъ любитъ поъвши отдохнуть, и въ нашихъ, особенно собираясь деревняхъ пировать два, три дня сряду, обычай этотъ еще не выводится.

Василько отправился въ садъ съ однимъ человѣкомъ, который долго не зналъ какъ къ нему приступиться, но наконецъ, скрѣпя

сердце, подошелъ и просилъ Василія Өедоровича, робко и смиренно, пособить ему устроить какой-то сюрпризецъ; — потъшные огни.

этотъ, Человѣкъ котораго МЫ за большимъ столомъ именинницы не видали, отобъдаль за дътскимъ столомъ, съ Өедей, Гришей, Филей и Сашей, съ младшими хозяйскими сыновьями. Это быль учитель и воспитатель, кандидать философіи Евстрать Богдановичъ Горемыкинъ. Онъ, сидя учебнымъ столомъ воспитанниками съ своими, давно уже повытеръ локти казимировомъ фракъ своемъ, а новаго еще заработалъ. Впрочемъ Евстрата Богдановича кормили въ обыкновенные дни за общимъ столомъ; а сверхъ того, Сергъй Сергъевичъ насыпалъ ему иногда, тайкомъ отъ супруги своей, въ корковую табакерку съ портретомъ Блюхера, Роменскаго табаку разговаривалъ Горемыкинымъ СЪ вечерамъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по политикѣ, комнатъ, 0 наукахъ, хозяйствъ, и тогда Евстрату Богдановичу приносили даже, для компаніи, стаканчикъ

слабенькаго пуншу. Пуншъ ЭТОТЪ приготовлялся впрочемъ съ Кизлярскою водкою и клюквеннымъ сокомъ. Евстратъ быль добрый, хорошій малый, съ умомъ и способностями; НО школьное, убійственное воспитаніе заморило все, что только пыталось выказать отростки свои этой довольно плодородной наружу, на почвѣ. Евстратъ сильно чувствовать это, но не зналь и не понималь еще въ чемъ дъло. Сравненіе себя съ Василькомъ, который воспитывался дома, самъ собой, не видалъ еще въ глаза ни семинаріи, ни свътскаго училища, которомъ не было еще никакого ученаго званія, казалось Евстрату для себя самого не выгоднымъ; и вотъ что подало ему первый поводъ къ раздумью. До выводовъ заключеній Горемыкинъ еще не добрался. Сверхъ того бъднякъ, при нынъшнемъ мъстъ своемъ, былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, былъ убитъ духомъ. Робко и не смъло спрашивалъ онъ утромъ, одъваясь, недочищенные сапоги свои, съ оглядкою садился въ объдъ за столъ послъднимъ,

давъ всѣмъ сперва усѣсться и ТИХО сымаль съ себя вечеромъ осторожно изношенный фракъ свой, не смѣя даже его встряхнуть, хотя и зналь напередь, что фракъ этотъ останется на другой день не чищеннымъ. Громкаго разговора Евстратъ никогда и ни съ къмъ не осмъливался заводить; гдѣ разговаривали двое или трое, тамъ Евстратъ только слушалъ, самъ же изръдка заводилъ бесъду особнякомъ, и дълалъ это скромно, осторожно, какъ будто ощупывая напередъ носкомъ сапога мъсто, на которое хотълъ ступить, чтобы обмолвиться, не оступиться: если подходилъ другой и третій и начинали рѣшать и спорить вслухъ, тогда Евстратъ отступаль шага два назадъ и замолкаль. Өедю, Гришу, Филю и Сашу, называлъ онъ всегда по батюшкъ, Сергъевичами, и даже знаменитаго Савку не иначе какъ Савеліемъ Ивановичемъ.

И такъ Горемыкинъ отправился съ Василькомъ въ садъ. Проходя по боковой дорожкѣ, этотъ увидалъ мелькомъ бѣлое платьеце и желтозеленый фракъ. Онъ

ВЗГЛЯНУЛЪ только И промолчалъ; Горемыкинъ, казалось, ничего не видалъ. Въ полуразрушенной обширной красной бесъдкъ, давно уже предоставленной собственность воробьямъ и галкамъ, самомъ концъ безконечнаго сада, всъ стъны увъшаны и уставлены ракетами, колесами, бураками, римскими свъчами; а съра, селитра, антимоній, мякоть, штопинъ и другіе припасы покрывали полъ и лавки. Савка былъ тутъ уже И поплевывая замазывалъ заклеивалъ И ТУТЪ И разныя погрѣшности. «У насъ,» началъ онъ, «нътъ масляны безъ блиновъ, нътъ святой безъ яицъ; спасибо что пожаловали, Василій Өедоровичъ: наши подымашечки, подземельнички, подлетушечки, повертушечки, попрыгушечки и кресалочки ждали: только васъ И извольте распорядокъ, а уже все готово.» Василько осмотръль все, даль совъть свой какъ что раставить и самъ началъ помогать. Была туть и Вяземская коврыжка, какъ Савка зваль ее, то есть небольшой щить

вензелемъ Настасьи, знаменитой имениницы.

«Это хорошо, Евстратъ Богдановичъ», сказалъ Василько, «что вы и объ этомъ подумали — вы, кажется, каждый домашній праздникъ встръчаете какою нибудь потъхою?»

Евстрать глубоко вздохнуль и сказаль: «Я съ вами, Василій Өедоровичъ, говорю какъ-то смълъе, чъмъ съ другими, и я вамъ признаюсь, что меня потъхи эти не тъшатъ. Правда, что я же самъ всему виноватъ; я самъ и отъ себя въ первый разъ на это намъреніе напросился; мое было НО склонить дътей Степаниды **Ооминишны** принять въ этомъ участіе, я хотълъ чтобы они обрадовали чъмъ нибудь родителей своихъ, но вышло не то. Сюрпризы эти вошли нынъ въ кругъ обязанностей моихъ, съ меня ихъ требуютъ, спрашиваютъ; и это сдълалось уже собственно моимъ дъломъ, а не дътей, для которыхъ я было все это Барышни, особенно затѣялъ. Меланья Сергъевна, этотъ ангель доброты, всегда охотно помогали; а воспитанники

время голосъ Савки мои...» — въ ЭТО раздался позади ихъ; оглянулись — ОНИ Гриша, Филя, И Саша лукали камешками черезъ тынъ въ раставленныя колиса, и послышавъ голосъ Горемыкина и Василька, прыснули, какъ шаловливыя кошки, во всѣ четыре стороны.

Солнце уже садилось, когда товарищи уладили раставили И барскій возвращались ВЪ домъ. крыльцѣ встрѣтили на Митеньку, ОНИ босикомъ и безъ кафтана. Митя, изволите видъть, попраздноваль именины сестрицы не хуже другихъ, а потомъ, когда всѣ гости разошлись, уснулъ просторѣ на диванной, разувшись раздъвшись. И Очнувшись подъ вечеръ, онъ увидалъ, что уже собираются гости ВЪ залѣ Митя схватился, диванной выскочилъ безъ оглядки на крыльце, въ садъ, и сидълъ ждалъ подмоги. Горемыкинъ тамъ И долженъ былъ его выручить, вынести ему въ садъ сапоги и фракъ.

Какъ только смерклось и подали свѣчи, то два хлопца въ тиковой ливреѣ своей

вынесли изъ заднихъ комнатъ съ большою осторожностію знаменитые гусли. Сергъй Сергъевичъ шелъ **3a** ними шажкомъ тихомолкомъ, табачекъ, понюхивая покрякивая и утираясь свернутымъ въ тугой клубочекъ клѣтчатымъ платкомъ. дверяхъ Евстрата попотчивалъ ОНЪ табакомъ, все молча, но кругленькіе глазки удовольствіе сверкали, выражалось было, лицѣ, видно что гусли ЭТИ составляють всю отраду и все приволье Сергья Сергьевича. Радостныя восклицанія въ полголоса, встрътили дъвицъ, нечаянность. Чтобы не занимать лишняго мѣста, художникъ сталъ съ гуслями своими уголокъ, положивъ ихъ на пару обороченныхъ другъ къ другу спинками стульевъ. Молча вздернулъ Сергъй Сергѣевичъ рукава сюртука своего поллоктя и наложилъ пальцы на струны. «Баянъ бо въщій, аще кому хотяше пъснь творити, то ростекашеся мыслію по древу, сърымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки – въщіе персты на живая струны вскладаше, они же сами славу

Сергѣй Сергѣевичъ рокотаху!» ВЪ особенности славился бывало ВЪ кругу большимъ тѣмъ, знатоковъ ЧТО СЪ искуствомъ и ловкостію накрывалъ пястью и локтемъ струны, гдѣ надо было, переходахъ, заглушить прежніе звуки.

Барышни похаживали, цепляясь другь за дружку, и напередъ уже обмахивались платочками; кавалерія расправляла плечи и перчатки, перестегивалась и выправлялась, будто ожидая команды: смирно! И Митя вошель было, остегнувшись на всѣ пять покосившись пуговицъ, НО на изподлобья, ушель опять на псарню. Изъ дъвичей раздавался ръзкій И голосокъ Степаниды Өоминишны, а Сергъй Сергъевичъ вторилъ отрывисто на басахъ самогудовъ Въ своихъ. гостиной раскидывали Савка зеленый столъ И старательно сколачивалъ молоткомъ, измѣнившія на этотъ разъ, мѣдныя петли. Сергъй Сергъевичъ счелъ за благо покрыть разнородные всѣ отголоски ЭТИ ПО возможности громкимъ И сильнымъ созвучіемъ, ударилъ въ струны, сдѣлалъ

переходъ и покачивая легонько шарообразной головой своей съ плеча на плечо въ ладъ и въ мѣру, которая была на этотъ разъ не помню 6/8 или 3/4, произвелъ на свѣтъ знаменитый въ свое время польскій: Славься симъ Екатерина, славься нъжная къ намъ мать.

Власовичъ, въ гусарской Степанъ бекешкъ своей, открылъ уже съ хозяйкою дома баль; всь сльдовали его примъру, парой шаркали уже длинной, пара за дугообразной вереницей по залъ, присъдая немножко и отмъчая головой осьмухи. выкинулъ какую-то Степанъ Власовичъ прехитрую фигуру, гдѣ надобно каждой паръ разойтись, обойти кругъ и опять слиться въ одно цѣлое; штука эта произвела небольшое замъшательство, пары разбились, кавалеры шаркали сами по себъ, а дамы, въ нерѣшимости, взглядывались, пріостанавливались и перебили очередь; Степанъ Власовичъ кричалъ, командовалъ и суетился...

Въ это время — нѣтъ, тутъ нужна кисть, а не перо! въ это самое мгновеніе свора

гончихъ молодаго барина, на смычкъ, съ воемъ и лаемъ кидается опрометью, зря, въ средину пестрыхъ и чопорныхъ рядовъ, сбиваеть съ ногъ безъ разбору, кто первый дамы врознь, съ крикомъ визгомъ, кавалеры въ погоню за гончими вбъгаетъ запыхавшись, «Налетъ! рукахъ. арапникомъ ВЪ Налетъ Ползунъ!....» Ползунъ НО И одурѣли, кидаются въ уголъ, гдѣ пріютился Сергъй Сергъевичъ съ музыкой своей – стегнулъ одного Митя изъ арапникомъ – Ползунъ подъ гусли, Налетъ черезъ гусли, и попались самогуды наши въ смычекъ, какъ бредень! ВЪ загремѣли сердечные, полетъли ОНИ разсыпались.

Сергъй Сергъевичъ отскочилъ въ сторону, тяжело вздохнулъ, повертывалъ табакерку и не говорилъ ни слова; ахнуло все общество, отъ мала до велика; Митя стегалъ собакъ, собаки выли, Ирина Титовна, сидя въ диванной, обомлъла, а Степанида Ооминишна, завопивъ пронзительнымъ голосомъ: «этотъ извергъ

уморитъ меня!» кинулась и вцѣпилась въ волосы ненагляднаго чада своего.

Вдругъ въ саду раздался выстрѣлъ — другой, третій — всѣ кинулись къ окнамъ, на крыльце — смотрите! ракеты! бураки!... крикъ, смѣхъ, суетня, ахи, да охи — все улетѣло въ садъ, до послѣдней горничной и тиковаго хлопца.

Горемыкинъ Василько, Савка И изумленіемъ кинулись СЪ КЪ своему созданію и не знали на что ръшиться, что начать. Но спрашивать и разбирать: что это значить, кто зажегь? – было некогда; ракеты летъли, бураки грохотали, а отъ нихъ проведены были неугасимые штопины и пирамидамъ. колесамъ «Дѣлать нечего,» сказалъ Василько, «по мъстамъ, и жечь все, какъ условились. Сюрпризъ намъ удался, чего же больше?»

Въ самомъ дѣлѣ, надобно признаться, что бураки загрохотали во время. Чѣмъ бы кончился поединокъ Степаниды Өоминишны съ Митей, чѣмъ вся эта суматоха и тревога, еслибы ракеты не

заставили всъхъ забыть, хоть на минуту, что передъ ними происходило?

«Ахъ, какъ мило! безподобно! Чудесно! ужасно хорошо! только страшно немного.... О нѣтъ, неужели вы боитесь?» — такъ раздавалось въ толпѣ зрителей, между тѣмъ какъ Савка суетился какъ бѣсъ передъ заутреней и благословлялъ подлетушечки свои, брызгалочки и крысалочки.

кончилось благополучно; счастливый Евстратъ Богдановичъ похвалъ не обобрался; общество стало веселъе, развязнъе, болъе перемъшалось, забыли гусляхъ, которыя даже время 0 на огорченный Сергъй Сергъевичъ собралъ своеручно и снесъ въ свой покойчикъ, не заботясь о буракахъ; гости усълись тутъ и тамъ и бесъдовали безъ чиновъ; Степанидъ Өоминишнъ удалось таки, съ помощію кумушекъ, залучить Василька и заставить его поразговориться съ Мелашей, которая впрочемъ почти только отвѣчала черезъ сговорчивыя уста своихъ переводчицъ, до того была она запугана этимъ суженымъ и уроками, какъ съ нимъ обходиться и что

ему говорить, и какъ быть съ нимъ поласковъе.

Вдругъ опять шумъ и тревога, суетня, разговоръ, гдѣ шопотомъ, гдѣ вслухъ — говорятъ: «ушли, бѣжали, увезъ, сманилъ, пропали безъ вѣсти....» Ирина Титовна упала въ обморокъ; кричатъ: «Савка! Сенька! Фомка! лошадей — коляску — дрожки.» Василько вспомнилъ невольно бѣлую пастушку и зеленаго турухтанчика въ саду, оглянулся, чтобы обѣжать глазами общество.....

Пожаръ! раздалось вдругъ со всѣхъ концовъ, пожаръ! домъ горитъ — и кавалерія вся кинулась съ топотомъ, на рысяхъ, къ дверямъ и окнамъ, между тѣмъ какъ слабый полъ весь боролся уже между жизни и смерти. Мелаша, взглянувъ на яркое пламя среди теми ночной, вскрикнула и накрыла лице руками; Ирина Титовна вскочила, опамятовавшись, и спрашивала: гдѣ пожаръ?

Весь дворъ стоялъ въ свѣтломъ пламени. Гости суетились на одномъ мѣстѣ, или бѣгали безъ толку; давали совѣты,

кричали, командовали, а взяться за дъло некому. Нъсколько дворовыхъ чужіе кучера, также метались туда и сюда, а мужиковъ изъ деревни не видать было ни одного. Маіоръ, Василько, а съ ними и Горемыкинъ, въ туже минуту кинулись къ огню. Степанъ Власовичъ также кричалъ и распоряжался, но ПО своему: **УХВАТИВЪ** каждаго праздношатающагося зрителя заворотъ, не спрашивая кто онъ, гость или хозяинъ, кучеръ или баринъ, онъ оглушалъ его градомъ проклятій и тащилъ, не давъ опомниться, на рысяхъ, туда, гдв нужны были руки, приговаривая: «Это потъшные огни, трясця тебъ съ болячками, горитъ,≫ домъ заставлялъ И приниматься въ тужъ минуту за работу.

пламени стояла о сю пору одна голубятня, Митина только НО она примыкала почти вплоть къ сараямъ конюшнъ; а всъ строенія эти были крыты Василько однимъ взглядомъ соломою. разсмотрѣлъ и сообразилъ все, успѣлъ уже ухватить гдѣ-то топоръ кинулся И подрубать бревно, которомъ на Савка искусно умостиль всю голубятню. Между тъмъ расторопный Савка взобрался уже по вверхъ привязалъ къ И чтобы веревку, свалить голубятню просторное мъсто, не дать ей упасть на изъ сосъднихъ строеній. Грибокъ свалили, растащили врознь головни, залили, а Василько между тъмъ распоряжался уже на кровлъ конюшни и увидълъ оттуда, на противу-стоящемъ capab, Maiopa. Погрозивъ кулакомъ, Пушка ему закричаль: «молодець, каналія, разцилую!» Къ счастію не было вътру; раздергали солому, залили тлъвшійся тутъ огонь, и дъло было кончено; приставивъ людей для присмотру, всв возвратились въ покои.

бѣда Когда узнали, что ВСЯ ограничивалась уничтоженіемъ Митиной голубятни, боровика, какъ Савка называль, и утратою голубей, за которыми Митя лазиль теперь съ крикомъ и воемъ по кровлямъ и кричалъ, чтобы ему скорѣе подали силокъ, когда **BCe** ЭТО объяснилось, то страхъ и ужасъ миновался,

роковой ударъ пронесся мимо. Василько въ глазахъ всъхъ показалъ себя молодцомъ; старый Маіоръ также, а сверхъ того еще насмъшилъ всъхъ, заставивъ чопорныхъ и щепетныхъ кавалеровъ лѣзть за собою на кровлю и таскать воду. Стыда ради и они прикинулись, что дълали все это охотно и разсуждали объ обязанности всякаго приниматься въ такомъ случав за своими руками, а не кричать командовать, потому-де что крикомъ изба не рубится. И крута гора, говорится, да забывчива; бъда миновалась И прошелъ. Общее веселье завладъло снова всъми, всякая принужденность исчезла, всъ бъдоносная радовались, что всъ были веселы пронеслась, И очень говорливы.

Маіоръ съ Василькомъ вошли переодѣтые — и шумный рой тетушекъ и кумушекъ имъ на встрѣчу, и хозяйская чета низко кланялась и благодарила. Маіоръ поцѣловалъ еще разъ Василька, при всѣхъ, назвалъ его канальею, и сказалъ: «молодець детына, яжъ кажу що молодець.

Якъ ухопывъ сокиру — та де винъ іи у биса надыбавъ? якъ пишовъ лагодыть, не наче дванадцятеро ципомъ арнаутку молотять.... Пономарь!» сказаль онь, оборотившись къ Евстрату, «а де винъ? онъ-де! Не мыкай таки свое узявъ! ТЫ Маіоръ, относясь продолжалъ ко честному обществу, «а вы, скажить мини, чи вы гости, чи вы паны, чи вы люде? чи вы зъ сахару та зъ меду, або мабудь и сами пороблены, ЩО боитеся соломы осмалыться на огни, растопыться на води? Стоять мои хлопци, просты Господы, якъ намалёваны хранцузы при узятіи Парыжа, дывляться тилько соби! стоять, та дывытьсяжъ, уже пишло, ЯКЪ на Te дывыться уси: пиды сюда мамочко моя, мое сердце, де ты? не бигай сынку!» и за словомъ взялъ за руку крестницу свою, Мелашу, которая хотъла было ускользнуть, и вывелъ ее на передъ – «дывиться, чомъ у рябенькому платьи, була билому? a? глядыжъ на мене, комашечка, та не ховайся — вона, бачете, воду на соби у гличику носыла изъ ставка,

биля вороть, та подавала народови, щобъ залывалы. Отъ винъ,» указавъ на Василька, «якъ ведмедь, узявъ, та звалывъ, та поламавъ; а вона, якъ касаточка, по зерну, та по капельки — а; и Богъ мылосердый послухавъ, нема пожару! Батько, Мате! отъ вамъ на сегодня та на завтра прынцъ и зъ прынцесою; вына швыдче — а прыкажыть лишень справди вына податы — за здоровье прынца мого зъ прынцесою! Ура!»

Вина подали, принцъ съ принцесою, по настоянію Маіора, къ которому пристали и тетушки и кумушки, должны были поцѣловаться, гости кричали ура и запивали виномъ. Пушка, съ замѣчаніемъ: «старый грихъ у михъ» — приказывалъ всѣмъ забыть, что онъ пожурилъ, а за тѣмъ радоваться и веселиться.

Все это хозяйкѣ дома и неутомимымъ, всемірнымъ свахамъ чрезвычайно нравилось. Дѣло, казалось, рѣшено, что изъ Василька съ Мелашей должна вскорѣ вытти пара, это конечно и кукса, то есть безпалый, по перстамъ сочтетъ. О Настасъѣ Степанида Өоминишна меньше заботилась;

Настя была не такъ робка и застънчива, выше, виднъе и дороднъе сестры своей и умъла уже сама себя показать лицемъ.

только спохватились, Теперь суматохи, Авдотьи Поликарповны, которая во все время пожара кричала на дворъ своего Мишку и не могла его докричаться, потому что Маіоръ отпустиль ему уже два полновѣсныхъ подзатыльника, его лѣзть на сарай. Авдотья Поликарповна была внъ себя отъ ужаса, но ее напугалъ не пожаръ, а бъгство дочери ея, Улиньки, съ отставнымъ корнетомъ въ желто-зеленомъ фракъ. Корнетъ этотъ, вступивъ послъ отставки отъ Марса въ службу стариннаго божка Леля, сдълался Русскаго неукротимымъ поэтомъ и взялъ приступомъ недоступную для другихъ твердыню сердца Улиньки. Говорять, что у осаждателя были приступныхъ разные при ЭТОМЪ дѣлъ мастера подкопныхъ И хитрые городоимцы; что отставной корнетъ умълъ оплошностію воспользоваться также искуствомъ коменданта И льстивыхъ лазутчиковъ своихъ, акростиховъ И

мадригаловъ; конецъ концовъ, гарнизонъ капитуляцію, на **КТОХ** Авдотья Поликарповна, подъ природнымъ покровительствомъ коей состояла спорная рѣшительно объявила бездомному и безкровному корнету, чтобы онъ не безпокоился, чтобы и въ голову не забираль себъ такихъ пустяковъ, потому что Улиньки ему не видать какъ своихъ; побъдитель же, воспользовавшись правомъ завоевателя, нынъшнею суматохою и помощію Ирины Титовны, увелъ милую плънницу свою и съ нею скрылся. Онъ же, любовникъ отчаянный нашъ, поджегъ тайкомъ потъшные огни Евстрата, чтобы надѣлала болѣе еще нечаянность эта тревоги и чтобы отвлечь общее вниманіе отъ своего предпріятія. На военномъ языкъ это называется демонстраціею, диверсіею, отвлеченія непріятеля; и отставной корнетъ нашъ, какъ видите, былъ въ своемъ родъ большой стратегикъ. Всъ выбъжали въ садъ. Забавнъе всего было то, что Сергъй оставшись Сергѣевичъ, время ВЪ ЭТО преспокойно въ залѣ, гдѣ вздыхалъ надъ

бренными останками гуслей своихъ, какъ Марій на развалинахъ Кароагена, и увидавъ Улиньку, которая шла закутавшись черезъ залу въ сѣни, схватилъ свѣчу и кинулся ее провожать, такъ какъ въ цѣломъ домѣ не было ни одного хлопца, а всъ выбъжали въ Сергѣевичъ проводилъ Сергъй Улиньку до приступка, дождался покуда Корнетомъ своимъ усълась Ирины Титовны, поклонился низехонько, карета покатила, а Сергъй Сергъевичъ воротился спокойно, со свъчею въ рукахъ, собирать свои гусли; ему и въ голову не приходило, чтобы онъ такимъ образомъ способствовалъ похищенію; онъ провожаль гостей, быль занять постигшимь его бъдствіемъ и больше ни о чемъ думалъ.

Поликарповна Между тъмъ, Авдотья Митьки нѣсколько докричалась своего прежде, чѣмъ пожарная суматоха окончательно угомонилась, дала ему въ собственноручный строжайшій потьмахъ выговоръ за ротозейство, съла и уъхала Надобно было домой. послать мужа,

который быль нездоровь и сидѣль дома, въ погоню за дочерью. Авдотья Поликарповна приготовила уже мысленно убѣдительную привѣтственную рѣчь для бѣднаго своего сожителя, рѣчь, отъ которой онъ долженъ быль мгновенно выздоровѣть, подняться на-ноги и скакать за дочерью, потому что всему, видите, виною было несмотрѣніе его, послабленіе и безпечность.

Услужливые хотъли свалить причину пожара потвшные на Евстрата; но къ счастію вскоръ открылось, что Митя лазилъ съ огнемъ на голубятню, огарокъ, котораго оставилъ отъ тамъ солома загорълась и обхватила въ одну минуту всю кровлю боровика.

Было уже не совсѣмъ рано, вечеръ на исходѣ, но всѣ вечернія приключенія разогнали у гостей сонъ, а барышни объявили, что разбитые гусли, пожаръ и наконецъ похищеніе Улиньки, такъ ихъ напугали, что они спать итти боятся и хотятъ еще посидѣть. Рѣшено было, что расходиться рано; но что начать? музыки нѣтъ, и не одинъ молодецъ охорашивался

уже горя нетерпъніемъ разыграть дюжину другую сочныхъ фантовъ — какъ Василько вдругъ сказалъ дъвицамъ: «Кажется, барышни, вы бы охотно, послъ сегоднишней тревоги, отдохнули, съли бы въ кружокъ въ диванной и послушалибъ какую нибудь сказочку; не такъ ли?»

Слово это сказано было, во время и у мъста; лучшаго нельзя было выдумать. Въ самомъ дълъ, общее расположеніе, было именно такое, какъ Василько сказалъ. Всъ барышни столпились, какъ пчелки, угольной, на диванъ. Принцъ съ Принцесой общему приговору, рядкомъ, пріютились вокругъ, всякій остальные уголка и мъстечка; старички старухи частію ушли на покой, частію доканчивали растроенный бостонъ, а частію подсъли тутъ же; Савка вошелъ, пробрался кружокъ, подвернулъ на полу ноги калачикомъ и началъ такъ:(*)

(*) Можетъ статься Савка говорилъ сказку свою и не отъ слова дослова какъ она у насъ напечатана: упомнить всю наизустъ было трудно; онъ же мѣшалъ на половину украинскія слова. Мы написали ее, стараясь отступать отъ словъ раскащика сколько можно менѣе.

Что въ былое время быль была правдивая, то у насъ нынъ сказка пошла гулливая, люди сложили, такъ отколъ нибудь да взяли; а мы въры неймемъ, затъмъ, что сами не видали.

Былоль то въ царствъ, было ЛИ государствъ, аль за-просто въ вольной земль, а жиль быль, промежь воеводь да Бояръ, богатый князь, по имени Крутояръ. А коли звали его и не Крутояромъ, такъ и то пусть такъ, даромъ; звали не звали, да мы такъ прозвали. – Богатства было у князя вольное приволье и жить бы ему потъха и раздолье – да одолъла князя дума кручина сердце сушитъ, потайная, что кручинушка Полюбилась злая. дъвица, краса-дъвка бълолица, и позвалъ князь цыганку-ворожейку. «Ой», говорить, «ворожейка ты, ворожея, ты мнъ службу сослужи; загадай ты мнъ да скажи, какая мнъ написана въ женитьбъ доля? многоль увижу добра да счастія, многоль головой моей будеть ненастья?»

Какъ раскинула цыганка да развела, какъ на руку ему глянула да концы свела,

такъ головой про себя покачала, да опять поворожила, да на руку шептала. — «Нѣтъ», говоритъ, «золотой мой бояринъ, видно такъ тому и быть, свою долю не переспоришь; хочешь мирись, не хочешь, повздоришь, а она возметъ свое, на томъ постоитъ. Тебъ на роду написано жениться, а дѣтища не видать; видно такъ тому и случиться.»

Воть и взяло раздумье князя Крутояра; «на когожъ я,» говоритъ, «положу свое достоинство княжье, кто вынесеть на себъ мою честную честь, кто мою славную славу, коли не быть отъ корня моего ни единому отростку?» думалъ онъ думалъ – «вретъ,» говоритъ, «шальная ворожея больно вретъ отъ цыганка, того, что зазналась; посъчь было бъ ее, такъ авось бы и призналась. Приведите ее, сюда!» хвать-хвать за цыганкой, туда сюда - нътъ пропала, слѣду ушла цыганки, И не покинула, въсти не присылала.

И долго ли нѣтъ ли съ раздумьемъ князь носился, а думалъ, да думалъ, да взялъ и женился. И что ему дѣлается?

денегъ много; пьетъ да гуляетъ, да молодую княжну тѣшитъ да потѣшаетъ. — А тѣмъ часомъ, глядь — прогнѣвилъ чѣмъ-то Царя; Царь шлетъ за нимъ, а онъ отъ него: сѣлъ, да поѣхалъ, да таковъ и былъ, ушелъ въ чужую землю, да тамъ себѣ и жилъ.

пришло такое время, не TO безвремянье, себъ что КНЯЗЬ думаетъ: ≪говорилъ Я, что вретъ она сухопарая горлянка, говорилъ, что вретъ окаянная цыганка: оно такъ и вышло; у меня будетъ князекъ, будетъ дътище любимое, ясный соколокъ. Кто бабъ повъритъ, трехъ дней не проживеть, и кто съ нею свяжется, дуракомъ пойдетъ.» А князь про то, что гадала цыганка, не сказываль никому: никто про то и не зналъ.

Когда же пришло время, что быть на свътъ дътищу княжью, то стала княжна со своими свой бабій совъть держать: «дъды наши,» говорить, «такой законь положили, такой завътъ постановили, что коли семьв молодая принесетъ жена мужу первенца сына, ей отписать TO за ЭТО большія богатства; буде a первеницу принесеть дочь, то нѣть ей, женѣ, добра родоваго ни алтына. Надо-де дѣло изладить и приспособить, чтобъ намъ, за чужимъ не гонявшись, да хоть своего не упустить; а вѣдь что Богъ дастъ, сына ли дочь ли — не узнаешь.»

Воть и стали искать, тайныхъ гонцовъ разсылать, и нашли, припасли младенца, новорожденнаго сына: отецъ его холопъ, мать его холопка — да нужды нътъ; зыбку, положатъ да княжью княжьяго кафтана накроють — такъ чъмъ онъ не князь? Прописи на лбу и въ тъ поры, какъ нынъ, не клали; кто что лишнее тому глотку и ротъ заткнутъ золотомъ – онъ и молчитъ. Кому тогда до чего нужда?

И насталъ часъ радостный и смутный; далъ Богъ дѣтище княгинѣ, далъ и князю, и далъ не дочь, а сына; да князь молодой народился уродомъ: у людей по пяти пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, а у него гдѣ пять тамъ пять, а на одной рукѣ шесть. И снова глянули, и снова сосчитали — нѣтъ, шесть да шесть, съ костей не скинешь; онъ

бы и не великъ, по меньше мизинца, да тутъ ему не мъсто: про князей шестипалыхъ о ту пору нигдъ еще не было слышно; стало быть онъ-де въ князи не годится.

Стали судить да рядить, да свой бабій совъть вдвоемь ли, втроемь ли держать — ну неравно—де Князю шестипалое дътище не будеть въ угоду? Ну неравно еще онъ не признаеть, скажеть такихъ у меня и въ роднъ не бывало? Взяли да отдали шестипалаго Княженка холопкъ, воть—де тебъ на обмънь твоего, а вотъ и червонцевъ кошель на придачу; подай своего, онъ будетъ княземъ, и въ золотъ станетъ ходить и сиребро станетъ носить и ъсть будетъ слаще и спать мягче.

Затьмъ, стали рости и тотъ и другой, и князь подкидной и князь коренной. Отецъ ни про что не зналъ и не въдалъ; тутъ въ землъ его скоро другой воцарился Царь, этотъ сталъ милостивъ къ опальному князю, позвалъ его ко двору, да надълъ на него всъ милости свои, сколько у него ихъ было. Князю въ первое время было не до своихъ, забылъ было и княжну и княженка;

а когда спросиль про нихъ, да велѣлъ было пріѣхать къ себѣ, такъ самъ слегъ, да Богу душу и отдалъ.

чужой землѣ живучи, Княжна, на соскучилась; стала ее и совъсть мучить да дѣла ужъ нечѣмъ было поправить. бабки, подмѣнили Матери ee да ЧТО ребенка, давно уже не было на свътъ; сама она не знала гдѣ его искать – такъ она, своего-то сгубила, а чужой опостыль взяла и его, и этого, да черезъ третьи руки, чтобы не знали чей и отъ кого, переслала куда-то въ иное мъсто, добра ему что захотъла отписала, а сама и уъхала, да и умерла, какъ по душу Господь послалъ, одинока: быль и мужъ, было два сына, одинъ-таки свой, другой что въ обмѣнъ взяла, а теперь не стало ни того, ни другаго, ни третьяго.

Вотъ кабы живъ былъ старый князь, да послышалъ бы что и какъ было, такъ вспомнилъ бы цыганку: онъ сына въ глаза не видалъ.

Что въ былое время быль была правдивая, то у насъ нынъ сказка пошла

гулливая; люди сложили, такъ съ чего нибудь да взяли, а мы въры неймемъ, за тъмъ что сами не видали.

«Чтожъ это, вся?» спросили тѣ, которые еще не заснули. — Да вся, — отвѣчалъ Савка, — гдѣ больше взять? только и есть! — «Да чтожъ это за сказка, тутъ и толку не добьешься,» началъ опять какой—то, «ты скажи порядкомъ; чтожъ послѣбыло?» — Да яжъ вамъ говорю, сударь, — отвѣчалъ опять Савка, стоя уже у дверей, — что только ея и есть; больше ничего и не было; обождемъ, коли приложатъ еще что къ ней, стану говорить и дальше. Теперь только; князъ служитъ въ низкомъ званіи, а подкидышь занялъ его княжеское мѣсто. Ни тотъ, ни другой отца ни матери не знаютъ — и только.

Савкинъ ужинъ давно уже былъ готовъ; иначе Степанида Өоминишна не пустила бъ его и въ сказочники, хотя она, правда, такъ была счастлива, когда увидъла, что князь съ княгиней сидятъ рядкомъ призадумавшись, такъ счастлива, что готова была разръшить и позволить все, лишь бы

продлить это желанное сочетаніе обстоятельствъ.

Когда Савка кончиль сказку, всѣ встали потягиваясь и пошли въ залу, къ ужину. Ужинъ былъ гораздо молчаливѣе обѣда; всѣ устали, всѣмъ хотѣлось спать, всѣ притихли.

Василько вышель прямо въ садъ; это быль одинь изъ тъхъ вечеровъ, одна изъ тъхъ ночей, когда не хочется запираться въ четырехъ ствнахъ. Савкина безтолковая сказка, тронула при томъ какую-то потайную струну души Василька; онъ не зналь почему это, сталь доискиваться и наконецъ подумалъ, что просто матерая, родной духъ и складъ Савкиныхъ словъ, пробуровилъ ему по сердцу – и продолжаль думать и мечтать объ этомъ дальше. Онъ прохаживался дальше И средней, расчищенной медленно ПО дорожкъ; липы и ясени дремали сводомъ надъ его головой, только неугомонный изрѣдка трепеталъ осины листъ шелестъль отъ едва замътной воздушной струйки; огни въ барскомъ домѣ, одинъ за

однимъ, потухали; все успокоилось, временамъ только слышенъ былъ глухой топотъ коней на конюшнъ, лай цъпныхъ собакъ, да чередной окликъ деревенскихъ пътуховъ. Сторожъ проколотилъ уже другой разъ клепаломъ въ чугунную доску, осколокъ старой кухонной плиты, и сталъ про себя чистымъ напѣвать голосомъ: житейское «Всякое нынѣ отложимъ попеченіе.» Василько легь, помолившись, подъ дерево, закинувъ руку подъ голову – съ полчаса еще въ головъ его бродили Богъ въсть какія затьи, желанія и надежды; съ полчаса еще онъ слышалъ, среди всеобщей тишины, какъ стучало сердце его, и сталъ прислушиваться этому КЪ маятнику думать, долго ли ему суждено ходить и такъ ли онъ будетъ стучать черезъ годъ со какъ сегодня, избыткомъ силъ, днемъ, полнотою жизни - ему показалось еще, будто онъ слышитъ какой-то отдаленный жалобный голосъ, но онъ уже не зналъ, во снъ ли онъ слышитъ это или на яву, и вскоръ уснулъ.

Проспавъ часа четыре въ одинъ духъ, кръпкимъ, непробуднымъ сномъ, Василько проснулся и наспаль въ эти четыре часа болѣе, чѣмъ иной тунеядецъ въ круглые сутки. Воробушки уже чирикали галиматью сидя ВЪ густыхъ вишняхъ, встрвчали несущагося **МИМО** ихъ воробьятника возвысивъ голосъ, дружнымъ и общимъ щебетаньемъ, изъ всъхъ силъ. Кошка прокрадывалась въ тихомолку къ сосъднему сараю, не обращая никакого вниманія на сторожевое чивъ, чивъ, стараго который воробья, провожалъ перепрыгивая съ вътки на вътку, съ дерева дерево. Гуси громкимъ настойчиво требовали свободнаго пропуска къ рѣкѣ; а съ сосъдняго мужичьяго току раздавались сильные удары цѣпа, все по три да по три. Василько всталъ, потянулся стиснувъ кулаки, весело взглянулъ Божій міръ, и пошель освѣжиться на рѣку.

Раздъвшись кинулся онъ въ воду, нырнулъ глубоко и далеко, вынырнулъ, отряхивая голову, и сталъ прислушиваться: плачевный голосъ звалъ его по имени на

помощь; въ ушахъ Василька отозвались вечерніе, отдаленные вопли. Оглядъвшись увидълъ онъ, что на обросшемъ камышемъ и осокою островкъ стоитъ человъкъ; Василько поплылъ туда, что было у него силъ, и – кто опишетъ удивленіе его, когда онъ узналъ въ бъдствующемъ Улинькинаго корнета, этотъ олицетворенный мадригалъ въ желто-зеленомъ фракъ! какъ мокрая мышъ стоялъ онъ въ бальномъ облаченіи своемъ передъ героемъ нашимъ, и попадая зубомъ на зубъ, расказывалъ, со откровенностію отчаяннаго любовника, ночныя похожденія свои.

потъшные Зажегши огни, воспользоваться суматохой, онъ посадилъ Улиньку обомлъвшую ВЪ карету подручницы своей, Ирины Титовны, велѣлъ гнать и въ хвостъ и въ голову. Лошади испугались ракеть и бураковъ, понесли сперва вверхъ по берегу, а потомъ прямо въ воду. Потерявшись отъ страху, онъ выскочилъ изъ окна кареты, упалъ въ воду, не доставъ, какъ ему казалось, дна, и не умъя плавать, началъ биться и тонуть.

Такимъ образомъ, то на водъ то подъ водою, то головою кверху, то ногами, онъ уже выбился изъ силъ, когда послышалъ подъ собою песокъ; Корнета принесло теченіемъ на мелкое мѣсто и онъ наконецъ достигъ вбродъ островка. Тутъ просидълъ онъ всю ночь, и докричался до того, что сталь уже выть по волчьи, никто Что не являлся. сталось СЪ невъстою его, не зналъ; онъ ему показалось, будто карета съ лошадьми совсѣмъ ушла ко дну. Бѣдный акростихъ мой горько плакалъ И дрожалъ, осенній листъ. Василько успокоиль его, увъривъ что въ ръчушкъ этой нътъ омута, въ которомъ могла бы пропасть безъ-въсти цѣлая карета и четверка лошадей; самъ на берегъ, отыскалъ переплылъ опять каюкъ, челнокъ, переправился снова на островъ, посадилъ и перевезъ несчастнаго любовника, который теперь буро-ВЪ измокшемъ фракъ зеленомъ своемъ обтяжку, болъе походилъ на лягушку, чъмъ на человъка. Одъвшись на скоро самъ, Василько провель бъднаго чижика черезъ

калиточку въ садъ, оставилъ на время въ знакомой намъ красной бесъдкъ, досталъ у Евстрата бѣлья и сюртукъ, одѣлъ плѣнника развѣсилъ платья И его просушки. Сколько Василько ни жалълъ о бъдствіи этого бъдняка, но ему, Васильку, безпрестанно напъвалось: «Чижикъ, чижикъ, гдъ ты былъ? на канавкѣ воду трудомъ СЪ только онъ удерживался отъ смѣху.

Позвольте замътить здъсь еще одно маловажное и постороннее обстоятельство: прибъжавъ къ Горемыкину за бъльемъ и одеждой, Василько ВЪ первые познакомился короче съ платейною своего пріятеля — и какое-то особенное чувство, овладъвающее неожиданной нами при встръчъ нагой нищеты, его поразило. Мы часто слышимъ о бъдности и нуждъ, даже слишкомъ часто, жалѣемъ о неимущихъ, но это не то; жалкая картина эта поражаетъ насъ иногда нечаянно на самомъ дълъ, и връзывается иначе душу. Евстрать ВЪ сундучка вынулъ между прочимъ изъ своего полноры рубахи – всъхъ и вся; – и сожалълъ, что лучшая, то есть цълая, была теперь, ради праздника, на немъ.

Оставивъ чижика, Василько обратился къ Горемыкину: вопросомъ припасено было на сегоднишній день, какія потъхи? Евстратъ признался, краснъя не было приготовлено запинаясь, что этотъ, рожденіе Меланьи, ничего. День празднуется только кстати и за одно со вчерашнимъ, Настасьи именинами съ Сергъевны; никогда не обращали на него большаго вниманія И Степанида Өоминишна, казалось, не считала его слишкомъ важнымъ.

«Не попустимъ этого Евстратъ Богдановичъ,» сказалъ Василько «за что такъ? поставимъ на ноги какую нибудь проказу, да чтобъ она была не хуже вчерашней; ладно, что ли?»

Горемыкинъ очень сладостно улыбался и потупилъ взоры; «я душою радъ,» сказалъ онъ, «но теперь время такъ коротко — успѣемъ ли мы?»

О, стоитъ только захотѣть, — сказалъ
Василько, потирая радостно руки, какъ

человъкъ, которому далось какое нибудь чрезвычайное открытіе, - стоитъ захотъть, такъ успъемъ. – И обхвативъ одною рукой, пошель онь съ нимъ внизъ по саду; первымъ слъдствіемъ этого совъщанія было, что человъкъ двънадцать мужиковъ работали въ самомъ отдаленномъ концъ лопатами кирками. Степанида И **Ооминишна** приказала дать Васильку работниковъ съ перваго слова; что, надобно признаться, дѣломъ было необыкновеннымъ, и Степанида Өоминишна конечно была увърена, что потакаетъ ему во всемъ не спроста и не спуста, а съ умысломъ и съ толкомъ. Рабочій сросся съ душею Степаниды панщины Өоминишны и она его обыкновенно не уступала никому и за что. Самъ ни Василько, Горемыкину оставивъ наставленія, шопотомъ поговорилъ СЪ названною матерью своею и полетълъ, подъ предлогомъ, благовиднымъ домой, платейную растормошилъ всю ея И всѣхъ дѣвокъ засадилъ дворовыхъ за работу. Къ объду, Василько уже поспълъ

опять къ именинницъ, какъ звали сегодня Мелашу, хотя это и былъ день ея рожденія.

Между тъмъ Ирина Титовна, у которой сердце и совъсть были както не на мъстъ, потому что не было еще о сю пору ни слуху, ни духу о каретъ ея, Ирина Титовна отправилась, какъ ни въ чемъ не бывала, собользновать Авдоть Поликарповнь въ нынъшнемъ бъдствіи ея. Къ величайшему изумленію своему, она слышитъ, Улинька уже дома, что и карета туть же и – главное и самое непріятное, – что не только Улинька, но и лакей съ кучеромъ, во всемъ признались и Ирину Титовну выдали и продали. Дълать было нечего; Ирина Титовна ръшилась на этотъ разъ не падать въ обморокъ, не равно-де здъсь некому будеть и поднять — а уставивь руки боки, глаза потолоки, ВЪ ВЪ перекричала всѣхъ, такъ, что всполошила на заднемъ дворъ цълый гусиный гуртъ, который **ЗВОНКИМЪ** гагаканьемъ сталъ перекликаться съ голосистою гостьею. За тъмъ она съла въ карету свою и уъхала.

Въ этожъ время чижикъ нашъ, койкакъ обсушившись въ бесъдкъ, одълся на тощакъ опять въ свое платье и отправился тайкомъ домой. Но мужики, которые знали подъ именемъ зеленаго панка, встрътили его, взяли И повели карауломъ на панскій дворъ, потому что Поликарповна сама заѣзжала вечеромъ въ корчму и объщала жиду и мужикамъ награжденіе, если кто поймаетъ зеленаго панка. Когда барышни наши пошли утромъ погулять – къ чему настроилъ ихъ Василько, чтобы отвлечь вниманіе ихъ отъ приготовленій въ саду – то они встрѣтили несчастнаго чижика подъ конвоемъ. Всъ, глядя на жалкое положеніе бъдняка, на растроенное, истощенное муками души и тъла лице его, ужаснулись; Настасья, какъ особа бойкая, хозяйка довольно И вмѣшалась наконецъ въ дѣло и освободила настояніями своими плѣнника. Со слезами на глазахъ отправился онъ пѣшкомъ своясы.

Маіоръ, который засиживаться не любилъ, поъхалъ между тъмъ съ ружьемъ

прокатиться на допотопномъ струменть своемъ и встрътилъ, – отгадайте кого, съ гдѣ что дѣлающихъ — И спрашивають у насъ въ извъстной игръ на записочкахъ? – Ирину Титовну, въ каретѣ, все съ тъмъ же чижикомъ, на распутьи, безъ лакея и безъ кучера, одинъ конь въ дышлъ и одинъ подъ выносомъ! шествіе это много походило на погребальный поъздъ, гдъ мыши кота хоронятъ. Когда маіоръ расказываль бывало объ этой встръчъ, расказываль, что заполеваль въ этоть день, вмѣсто драхвы, Ирину Титовну – хохоталь, заливаясь и утирая очи въ два кулака, и кричалъ бывало только: «гой братци мои козаки! годи уже, видпустить душу мою гришную на покаяніе, уже не буду бильше, ей Богу не буду» и самъ хохотать, будто снова принимался русалки щекочатъ. Дѣло въ томъ, отправившись отъ Авдотьи Поликарповны, Ирина Титовна приказала ѣхать домой и во всю дорогу сулила кучеру, форейтеру и запятнику своему, звонкимъ и яснымъ голосомъ, такія лестныя награды,

неудачу неумъстное И за вечернюю признаніе, что у тѣхъ голова вскружилась съ похвалъ и на душъ помутилось. Они Ирина Титовна ВЪ что шутить не любитъ. По случаяхъ наслушавшись всего хлопецъ, вдоволь, соскочиль съ запятокъ и пошель своимъ путемъ, сказавъ кучеру: «нехай вже твоя шкура видвичатыме, колы схоче, а я не дурный.» Кучеръ, не долго подумавъ, товарищу своему, сказалъ выносному: «Остапе! Грыцько утикъ утечемо-й мы!» затъмъ они остановились, и не отвъчая ни одного слова на отчаянный, злояростный брань пани своей, отложили крикъ И ПО одной лошади, каждый кучеръ коренную, подсъдъльную, ТОТЪ a поскакали.

Въ положеніи такомъ отчаянномъ одна одинехонька, въ чистомъ полѣ, въ одною коренною степи, СЪ И одною клячею, сидъла Ирина выносною наша Титовна, проклиная голосисто весь міръ и всѣ къ нему принадлежности – и наконецъ, залившись слезами и заломавъ руки, стала

просить у судьбы помощи. Молитва ея была услышана: на небосклонъ безвъстности облако облако воздымается надежды пыли — и если это не чертова сватьба, подумала страдалица наша, если не вихрь степной, то конечно двъ ноги, покрайней мъръ, вздымаютъ эту пыль. Ирина Титовна успѣла еще дорисовать огненнымъ воображеніемъ своимъ неясное видѣніе, не успъла сложить двъ ноги, двъ руки, дать пріятное туловище, какую голову и сострадательное сердце, какъ узнала, въ приближавшемся путникъ, къ неописуемой радости своей, бъдствующаго собрата своего, свътлозеленаго – что нынъ буро-зеленоватый — чижика.

Отощавшій акростихъ однако съумълъ даже перепрячь лошадей; онъ извинялся тъмъ, что въ Краснокутскомъ Гусарскомъ полку, которомъ ВЪ дослужился онъ корнета, до отставнаго **ѣ**здятъ не на упряжныхъ лошадяхъ, а на верховыхъ, И всякая упряжка что фурштату. принадлежитъ къ По корнетъ нашъ сѣлъ на выносную верхомъ,

постромки волочились рыдванъ И потащился шажкомъ по дорогъ. Въ этомъ положеніи Маіоръ встрѣтилъ колесницу Ирины Титовны, словно послъ побоища. Позабавившись отчаяннаго нахохотавшись вволю, Маіоръ велѣлъ было кучеру своему перепрячь объихъ лошадей въ корень; но оказалось, что выносная въ корню не ходитъ, она стала бить. По этому поъздъ двинулся опять по прежнему, шагъ за шагомъ, и чижикъ снова сълъ верхомъ, въ бальномъ фракъ своемъ, и понукалъ ретиваго коня, толкая его пятками подъ бока. И смъхъ и горе.

Между тъмъ въ Шпиговкъ насталъ часъ объда; Степанида Ооминишна просила къ столу, и общество поднялось и усълось съ меньшею принужденностію, чъмъ на канунъ. Похожденія и приключенія послъднихъ сутокъ сблизили, познакомили и породнили всъхъ, другъ съ другомъ.

Настя много и красно говорила; Мелаша была очень тиха, задумчива и часто краснъла. Безконечный рядъ Савкиныхъ блюдъ, которыя шли сегодня опять подъ

новыми прозваніями, кончился, а самъ онъ, подъ бутылки, ладонью ДНО салфетку, замотанной опять ВЪ разливалъ эту въчную шипучку и просилъ мимоходомъ Дмитрія Сергѣевича прислушаться, увъряя что вино въ высокой сверчкомъ чирикаетъ. захохоталъ во все горло и объявилъ во всеуслышанье, на весь столь, что Савка говоритъ, будто Цымлянское поетъ Маіоръ сверчкомъ. всталъ, поднялъ крестной стаканъ, напророчилъ дочери своей, Мелашъ, много добра и счастья и въ разгулѣ веселья закричалъ: «Ура! та чи нема тутечки де тезки моей? А ну, палы!» И за-словомъ въ саду отозвалась пушка, другая, третія и одинадцать сряду. Первая встревожила было барынь, но послѣдней всѣ уже хохотали и поздравляли новорожденную; а какъ Ирины Титовны не и въ обморокъ падать было, то некому.

Объяснимъ загадку: Василько закопалъ въ саду одинадцать картузовъ пороху, провелъ по нимъ штопинъ, и по данному

знаку, одинадцать минъ были подорваны. Мелаша очень смѣшалась, была тронута и черезъ силу могла отблагодарить молча гостей и отвѣдать Савкинаго сверчка.

Тетушки и кумушки, все свахи на голо, блаженствовали: онъ были увърены, работаютъ чрезвычайно успъшно, и надо отдать имъ справедливость, онъ успъли по мъръ возмутить младенческій крайней Мелашиной: покой мирной души вздыхала и плакала, сама не зная о чемъ и по комъ, и не знала куда дъваться отъ поученій, которыми наставленій И преслѣдовали ее на каждомъ шагу, требуя, чтобы она обходилась съ Василькомъ ласковъе. Со всъхъ сторонъ ей кричали шопотомъ въ уши, что Василько суженый ея, женихъ, со всъхъ сторонъ учили ее, какъ съ нимъ обходиться и что говорить и какъ на него глядъть, поздравляли ее, наконецъ бѣдную дъвушку цѣловали сбили вовсе съ толку; она не знала что дълать, кого слушаться и чему върить. Это называется по Русски: влюбить такую-то въ такого-то. Опытныя въ такихъ дѣлахъ

бѣлошвейки мои, ковроткачки, искусныя дѣлательницы наливокъ всѣхъ родовъ и солельщицы огурцовъ съ кануперомъ, перцемъ и дубовымъ листомъ, были увѣрены, что не менѣе того влюбили и Василька въ Мелашу.

Мало по малу всъ барышни стали, если выразиться, волочиться Василькомъ. Всъ искали общества его, и не мущинами другими провести двадцати минутъ въ сносной бесъдъ, охотно сиживали съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и всегда шелъ у нихъ живой и занимательный для участвующихъ разговоръ. Такъ было и теперь, когда старички пошли послѣ обѣда засъла отдохнуть; молодежь наша диванной, Василько быль душою общества; бѣглая, занимательная: бесъла шла заговорили суевъріяхъ, повърьяхъ, 0 примътахъ; завязался между споръ, простенькими, коимъ принадлежала, КЪ напримъръ, смыслѣ, хорошемъ ВЪ Мелаша, и между разумницами, которыми такъ сказать предводительствовала Настя. Первыя было расказывать начали ПО

тихоньку про какія—то странныя примѣты, между тѣмъ какъ противницы ихъ объявили все это безсмысленнымъ вздоромъ, о которомъ стыдно говорить. Онѣ конечно повторяли затверженный урокъ. Но нашлись и такія, которыя не хотѣли сами рѣшить ничего, а обратились къ Васильку съ просьбой, сказать, какъ онъ объ этомъ думаетъ.

«Трудно,» Василько, сказалъ «высказать вамъ въ немногихъ словахъ все то, что объ этомъ наговорить можно, все что бы мнъ хотълось; но вообще, знаете, все на свъть гораздо легче осмъять, чъмъ основательно опровергнуть, иногда даже легче чъмъ повърить; и то, о чемъ вы говорите, легче и проще поднять на смѣхъ, подробное, чѣмъ пуститься ВЪ добросовъстное разбирательство, сколько въ какомъ повърьи и суевърьи есть или нѣкогда смыслу, было на чемъ И какую ему нынѣ основано должно цѣну. Едвали придать однакоже онжом бы допустить, повърье, что распространенное между миліонами И

встрѣчающееся даже очень не рѣдко народовъ, различныхъ пережившее тысячельтія, было основано ни на чемъ, на праздномъ вымыслъ. только нъсколько Можетъ быть есть И повърьевъ, но ихъ върно найдется не много. Я думаю такъ: – иныя повърья и суевърья представляють у насъ памятникъ, остатокъ язычества; другія придуманы для чтобы малаго заставить И глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать то, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Опять другія повърья, сущности своей, основаны точно на опытъ, на замъчаніяхъ; но, будучи примънены ко всякому частному случаю, обращаются въ нельпость. Въ иныхъ виденъ только духъ воображенія, времени, игра иносказательные намеки, словомъ, одна народная поэзія, принимаемая не рѣдко за наличную монету. Есть также шуточныя которымъ повърья, повторяя мы, затверживая ихъ, невольно начинаемъ можетъ наконецъ върить. Есть, быть, уродливыя, вздорныя повърья, которыя

произвель на свъть одинь только пытливый доискивающійся простолюдина, важнаго причины И непонятнаго явленія. Эти же повърья служать извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ, въ случаяхъ, гдъ прибъгнуть болъе не къ чему. Но соглашаясь на все это, я опять таки повторяю, что сказаль въ началь: есть и такія повърья, которыя гораздо легче могутъ быть осмѣяны, чѣмъ опровергнуты, и въ особенности, чъмъ обслъдованы до дна и оцѣнены не по одной наружности своей. Шиллеръ сказалъ: и въ дътской игръ иногда глубокій кроется смыслъ; Шекспиръ: и на небъ и на землъ есть много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во снъ. Вотъ вамъ, барышни, исповъдь моя,» заключилъ Василько, и думалъ что кончилъ; но одна изъ быстроглазенькихъ спросила его: же думаете ≪a ЧТО ВЫ собственно предчувствіяхъ $\mathbf{0}$ И 0 привидѣніяхъ?»

Василько отвѣчалъ коротко: «объ этомъ можно наговорить цѣлый возъ, да и то еще на добрый вьюкъ останется; сущность этого

безконечнаго разсужденія была бы кто испыталъ предчувствіе кажется: на себъ, кому покойники являются – тотъ противъ върь, потому что убъжденія спорить мудрено; а по наслышкамъ празднымъ расказамъ, ОДНИМЪ кажется, върить.» Но ободренная върнъе не потворствомъ этимъ пригоженькая и бойкая чернушка, растолковала, или поняла слова эти по своему, и принялась тотчасъ же за примѣры: «Вотъ позвольте,» начала она, «одна старушка, мать кормилицы двоюродной сестры бывшей сосъдки нашей, Камиллы Киргизовны — старушка живучи у Бабарыки Штандартовны въ банъ, стала слышать каждый вечеръ, ровно въ девять часовъ....»

Василько, взглянувъ на часы свои, всталъ потихоньку и вышелъ, оставивъ молодежь бесъдовать въ сумеркахъ о привидъніяхъ и посътителяхъ съ того свъту — а самъ пошелъ взглянуть на свои затъи.

Уже вовсе смерклось, когда барышни наши все еще сидъли, съ самаго объда,

кружокъ, столпившись ВЪ И ДО ΤΟΓΟ себя И другъ напугали сами дружку видѣніяхъ Бабарыки расказами 0 Штандартовны въ банѣ, о явленіи живыхъ и мертвыхъ, что сидъли въ потьмахъ, не смъя дохнуть и не понимали, зачѣмъ о сю пору не подають свъчей, между тъмъ какъ это было распоряженіе хозяйки, въ угоду и по просьбъ Василька. Сергъй Сергъевичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, свертывая платокъ свой въ комочекъ и утираясь имъ то справа на лѣво, то слѣва на право; онъ не быль посвящень въ тайну нын шняго которой впрочемъ вечера, 0 И Степанида Өоминишна ничего не знала, чтобы желанія Василька, сюрприза свѣчей. подавать не Сергъевичъ, замътивъ что уже смерклось, осмълился было спросить едва слышнымъ голосомъ: «что долго не подаютъ свъчей?» за это отъ супруги своей но получилъ выговоръ и затихъ. Маменьки и тетушки ПО раствореннымъ разсѣлись ВЪ садъ окнамъ, широкомъ крыльцѣ на И ВЪ дверяхъ, расказывали всѣ въ полголоса,

какъ заведенные часы, и ни одна не слушала; по комнатамъ носился только глухой гулъ, какъ отъ цѣлаго роя шмелей, залетѣвшихъ въ покои.

Вдругъ раздается гдъ-то въ отдаленіи звукъ – звонъ – голосъ – позывъ какого-то чуждаго міра; чистый, ясный, не слыханный досель, и замерь снова среди И вмъстъ ночной тиши. съ отголоскомъ всъхъ таинственнымъ \mathbf{V} замерло сердце. Ни одна складочка въ платьецахъ барышень не шевелилась: всъ дъвицы насторожили ушки. Отдаленный свътъ разлился въ саду; голосъ поднялся снова изъ едва слышимаго вздоха и до полнаго, могучаго сильнаго, звука казалось начиналъ призывно аукать: тогда никто не усидълъ на мъстъ; маменьки и тетушки стояли уже на крыльцѣ и вызывали молодежь, а молодежь уже толпилась за ними вслѣдъ; старый и малый пустились по дорожкъ въ садъ, иныя дъвицы толпились въ кучку, держались другъ за дружку, поговаривая: «охъ, Боже мой, что было?» другія напротивъ шли медленно,

задумчиво, безмолвно и поднявъ голову. Не высокія перильца поперегъ дорожки остановили общество: передъ нимъ лежала единственная въ своемъ родъ картина.

Это было въ теплый, темный и тихій осенній вечеръ; все пространство впереди зрителей было ярко освъщено, а между встрвчалъ не глазъ ни пламени, ни одного огонёчка. Таинственный который всъхъ привелъ недоумѣніе, озарялъ, казалось, всъ предметы снизу; зелень деревьевъ ярка и свъжа, какъ не бываетъ она и днемъ; зеленый свъть и зеленая тѣнь словно выливались изъ земли, изъ самихъ предметовъ – не было ни огня, ни солнца – перемѣшались въ причудливыхъ переливахъ и разостлались прозрачнымъ туманомъ, на которомъ лежалъ, сверху, непроницаемый мракъ, ръдъющій только тамъ, гдъ уже звъздочки. сверкали Глазъ невольно воображалъ, что видитъ не природу, а обману этому, картину; кромъ И свъта, способствовали непонятнаго прихотливо и живописно расположенные

предметы: на небольшомъ пролъскъ, между деревьями, паслось и отдыхало нѣсколько коровъ, козъ и овецъ, а тирольскій пастухъ особенно овцу. Bce это, странному освъщенію, очень походило на театральную сцену и декораціи, но во всемъ была необыкновенная жизнь, потому что все было живое. Глазъ зрителей былъ пораженъ и изумленъ, ухо ловило еще едва отлетввшіе, неземные звуки, слышимый отдаленный, отголосокъ едва повторять; ближе и ближе, сталъ ихъ громче и громче, — и вотъ на холмъ явился другой пастухъ, въ тирольскомъ же платьъ, во всемъ уборъ, съ саженнымъ рожкомъ своимъ, коего широкій раструбъ загнутъ къ смѣло верху — выступивъ бодро, И Тиролецъ ударилъ въ рожокъ, и полные, могущественные звуки тирольскаго пастушьяго хоровода огласили окрестность. Когда одинокій, протяжный и заунывный голось начиналь умирать, какъ последній безнадежныхъ желаній, вдругъ слѣдовалъ отрывистый и нежданный переходъ плясовую, гдѣ почти ВЪ

смѣнялись три только два ИЛИ звука, которые яркою противоположностію своею необыкновенною простотою невольно вызывали на уста улыбку. Но утъшеніе это кратковременно: безотчетная тоска накликается взволнованную на душу – и опять уже смѣняется вздохомъ, если не слезой, а тамъ опять сладостной улыбкой!

Кончилось тъмъ, что успъхъ этой шутки превзошелъ не только ожиданія Василька, но даже всякое его желаніе. Все общество, въ особенности же барышни наши, были поражены и раздражены неожиданнымъ явленіемъ этимъ, упоены волшебными если звуками, И **ВСПОМНИТЬ** еще предварительно напряженное, впродолженіе бесѣды, воображеніе, вечерней покажется не удивительнымъ, что всѣми овладъла какая-то грусть и тоска; всъ молчали, возвратившись въ покои, гдъ все царствовали нѣсколько времени еще потемки; иныя даже втихомолку отирали безотвътныя безотчетныя слезинки, И прятались по угламъ повъсивъ головки —

словомъ, по всему видно было, что за исключеніемъ немногихъ, которыя краснорѣчиво и громогласно изъявляли удовольствіе свое, всѣ тронуты были за живое.

Устройство всего этого было очень просто: свъть падаль снизу вверхъ, отъ искусно и съ умъньемъ раставленныхъ въ ямкахъ и поперечныхъ канавкахъ, плошекъ, которыхъ со стороны вовсе не было видно; самъ же Василько вставилъ кларнетъ свой, которымъ владълъ мастерски, въ поддъльный изъ клееной бумаги рожокъ.

Старики и старухи стали уже спрашивать куда дъвался Василько, отчего его долго нътъ? Маіоръ кричалъ, что ОНЪ расцълуетъ; каналью, Степанида Өоминишна разсыпалась въ похвалахъ; даже самъ Сергъй Сергъевичъ, сгребая табакеркъ своей горкой табакъ ВЪ чтобы средину, потомъ понюхать СЪ чувствомъ, увърялъ незабіячнымъ голосомъ своимъ, что это было прекрасно и очень, очень хорошо; Евстратъ сидълъ одинокъ въ

далекомъ и темномъ углу залы: Настя съ расписывала всъхъ BO подробностяхъ то, что другіе видѣли и слышали въроятно не хуже ее; Мелаша осталась въ саду, на крыльцѣ, ей какъ-то хотълось быть одной; барышни, какъ будто боялись ждали Василька И его; каждомъ скрыпѣ дверей оглядывались — но Василько не являлся, и не досчитывались ТОГО нъсколькихъ кавалеровъ.

Степанида Ооминишна, желая занять и разсѣять молодежь, предлагала уже и лото, и фанты, и жмурки — но все это не клеилось; не было еще и девяти часовъ, а барышни уже поговаривали, что устали и что хотятъ спать.

Въ такомъ нескладномъ положеніи были дѣла, когда Савка вошель и доложиль, что какой-то Италіянець, проѣзжая съ разными звѣрями, которыхъ возитъ на показъ, остановился на селѣ для ночлега, и узнавъ что у господъ пируютъ, прислалъ спросить, не угодно ли посмотрѣть звѣрей его? они-де ручные; ихъ можно привести

въ покои. Предложеніе было сдѣлано очень кстати; сама даже Степанида Өоминишна была сегодня очень въ духѣ посорить деньгами, блеснуть, показать что ничего не жалѣютъ. Савку прогнали съ приказаніемъ звать Италіянца.

И избоченясь, входитъ вотъ онъ похлопывая арапникомъ, раскланиваясь на всѣ четыре стороны – и занесъ такую дичь, что самъ маіоръ разинулъ было ротъ раставилъ пальцы. Рекомендуясь на семи языкахъ, или лучше сказать семь языкѣ, сряду, составленномъ на изъ разнородной смѣси семи языковъ И наръчій, Италіянецъ самъ себя ласкалъ благороднаго вниманіемъ общества, возлагая всю надежду свою на хорошую репутацію почтеннъйшей публики и увъряя, что уже имъль шесть показываться предъ всѣхъ свътъ Монарховъ, лицемъ на и дворцовъ и высокихъ особъ. столицъ Затъмъ вошло, гуськомъ, цълое сонмище страннообразныхъ уродовъ, которые представляли, въ самомъ забавномъ видъ, разныхъ птицъ и звърей, и даже лягушку и

полетушу. Какъ нетопыря ИЛИ только общество опомнилось отъ перваго изумленія своего, то общій веселый хохотъ огласилъ всю комнату. Разумъется, что это сдълалось въ ту минуту, когда узнали въ знаменитомъ Италіянцѣ Василька. казуарѣ, полетушѣ строусъ, И уродахъ сидъли разные помъщичьи дътки; Митя быль одъть арапомъ, а Гриша, Филя и Саша обезьянами.

Василько мололь безъ умолку, какъ выразительно часы, заведенные языкомъ и однообразнымъ изломаннымъ напѣвомъ; не понижая не повышая И голоса, просиль онь почтенную публику обратить вниманіе на строуса съ ръки Ореноко, на Мадагаскарѣ; на арапа изъ Константинополя, при ръкъ Басфоръ; на Малакки, большой казуара на ИЗЪ Американскій материкъ; на обезьяну, которая глупа, потому что молода, а какъ состаръется, будеть такой разумный какъ мы; а отечество ее изъ околицы Патафіи изъ Экваторъ, въ самой Африкъ; увърялъ, что уродовъ одинъ ЭТИХЪ ИЗЪ ничего не

кушаеть, кромѣ того, что у него есть, и больше ничего; что другой ходитъ на двухъ ногахъ И держитъ своихъ корпусъ прямо и смотритъ на объ стороны; а третій бъгаетъ до того прытко, что стоя на одномъ мъстъ, обгоняетъ добрую лошадь; предувъдомлялъ, что строусъ не умъетъ летать, и прибавляль съ важностію: онъ будетъ показать какъ теперь онъ умѣетъ летать — «покажи какъ ТЫ умѣешь летать вотъ онъ показываетъ, какъ онъ не умѣетъ летать;» и проч.

Надобно воздать каждому должное: Гриша, Саша и Филя корчили обезьянъ превосходно, покрайней мъръ дрались и мастерски. Видно было дразнились ПО всему, что они изучили роль свою любовью призваніемъ. Митя И отличался; Савка вымазаль ему рожу сажей арапа выводилъ своего Василько показъ, похлопывая бичемъ, на равнъ съ лягушникомъ, какъ называлъ онъ лягушку, и съ обезьяной изъ околицы Потафіи.

Никто хотълъ могъ не не И обильнаго воздержаться отъ радушнаго, смъху; хохотъ оглашалъ весь барскій домъ и самъ даже Сергъй Сергъевичъ заливался втихомолку, трясся всъмъ тѣломъ утирался въ объ щеки клубочкомъ клѣтчатаго **Bc**⁴ платка. наладились и настроились, единодушное веселье овладъло обществомъ и барышни словно переродились. Душею общества и веселья быль конечно Василько; онь, такъ день владълъ сказать, уже во весь тайными управлялъ чувствами И помышленіями дівицъ, и не понимала его, не отзывалась ему развъ та только или тъ, которыхъ мачиха-природа обошла, обнесла обдѣлила довершенія вовсе. Для И праздника, Василько выкопалъ мастерской своей недавно излаженый имъ ручной органъ, съ новымъ валикомъ, на которомъ набилъ мѣдными скобочками самые модные экосезы, кадрили и контрътанцы тогдашняго времени — знаменитаго Данилы Купера и другихъ; была тутъ и манимаска и матрадуръ – и Митя вертълъ

до поздней ночи пальмовую ручку органа, не мало гордился тъмъ, что также умъетъ играть на музыкѣ и никому не давалъ надобно приступиться, было если переставить валикъ, для перемѣны танца, а кричалъ задорно: «я самъ умѣю» или: «вы испортите,» и снова принимался вертъть. Надобно полагать, хорошо что Митя исправлялъ покрайней должность свою: были всѣ довольны И счастливы; одна только Настя была какъ будто немножко не въ духъ – и почти можно бы подозрѣвать, будто нравилось, что нынѣшній совсѣмъ удался едвали праздникъ лучше не вчерашняго. Какъ бы то ни было, а въ цѣломъ уѣздѣ стали поговаривать великолъпномъ праздникъ въ Шпиговкъ. Маменьки и тетушки стали освъдомляться, бесъдуя за кофейнымъ столикомъ и вареньемъ, объ загадочномъ **ЭТОМЪ** Василькъ, одергивали дочкахъ на племянницахъ косынки пелеринки И совътовали барышнямъ держаться ПО прямъе.

Шумный веселый вечеръ И кончился часу въ пятомъ утра и рожденіе Мелаши было отпраздновано великолъпно. Смазанные мазанные И не рыдваны, колымаги и линейки, блаженныя памяти, всъхъ величинъ и покроевъ, со стукомъ, скрыпомъ брякомъ И покатили слѣдующее утро СЪ панскаго двора Шпиговки во всѣ четыре стороны: и маіоръ сълъ верхомъ на знаменитый струментъ свой и съ громкимъ хохотомъ и шумными перекорами закричаль: «гайда, чубарый, до дому!» и три колеса покатились таки такъ и четвертое покрякивало \mathbf{a} постукивало по одному разу на каждомъ оборотъ: этому была виновата претолстая и пренеуклюжая которая, рвань, Степанъ Власовичъ увърялъ, переслужитъ еще семь новыхъ ободьевъ. Барскій домъ опустълъ. –

Куда же намъ теперь дъваться, къ кому присъсть въ рыдванъ или струментъ, чтобы дать Степанидъ Өоминишнъ время отдохнуть, пересчитать ложки и плошки, посуду и салфетки, рюмки и стаканы, ножи

и вилки, уложить и уставить опять все это въ чуланъ, въ кладовую и въ огромный стекольчатый шкафъ съ откосомъ? Сергъй Сергъевичъ правда поблагодарилъ бы насъ въ душъ своей, но не вслухъ, этого онъ не смъетъ – еслибы мы остались и заняли его вечера, покуда еще до ВСЯ тревога суматоха эта кончится Степанида И Өоминишна порвшить, хотя отчасти, всв розыски и слъдствія о битыхъ тарелкахъ и графинныхъ пробкахъ – но какъ все это для насъ уже вовсе не занимательно, а Сергью Сергьевичу надобно же привыкать по немногу къ домашнему своему житьюбытью, то мы и подсядемъ въ ранжевую рядкомъ усълась карету, гдѣ Бублинскихъ, между тъмъ какъ Василько пропалъ изъ Шпиговки безъ въсти уже съ другіе расвътомъ, когда только-что укладывались и засыпали. Онъ отправился домой пъшкомъ, шепнувъ названой матери своей на ухо, чтобъ его не искали.

«Ну,» сказаль Бублинскій женѣ своей, по Польски, «эдакаго праздника мы давно

не видали: славно, право хорошо, *пшесличне*.»

грѣхи нашъ проказникъ — **Вс**ъ покрыль, - отвъчала пани Бублинская, не придумай онъ всего этого, было бы скучно и постыло. Нима цо мувиць, было весело, да не отъ хозяевъ. Нѣмая травянка эта, Бабачокъ, да глупая хвастливая пава и злая змъя Бабачиха – чему тутъ быть путному и какой толкъ? не будь у нихъ еще Савки, этого на-все и про-все, такъ тутъ бы вся нищета выказалась наружу. Але послухай коханку — продолжала она, — ну что, если Василько и вправду влюбится въ Мелашу – въдь они его втянутъ, малый оглянуться не успъеть – что-то всъ объ этомъ толкуютъ, видно что нибудь да есть тутъ.

«Негодилось бы,» сказалъ подумавъ Бублинскій, «надо какъ нибудь его отговорить. Негодилось бы по многимъ причинамъ — а главное — я тебѣ, коханко, откроюсь: Василько выросъ, возмужалъ — онъ конечно еще послушный ребенокъ, но вѣкъ нельзя же его держать такимъ

образомъ, надобно подумать о развязкъ. Для матери онъ затерялся совсъмъ, она его не найдетъ, если бы и вздумала искать – здѣсь есть одинъ только человѣкъ для насъ старый рубака страшный И это прескучный и пренесносный крикунъ. Онъ не все знаетъ, но знаетъ, кажется, что при немъ были деньжонки, и какъ тебъ и самой слушать, чай приходилось охотно намекаетъ всегда кричитъ И мужицки, во все горло. Я думаю такъ: отпиши ты въ Каменецъ сестръ своей, вели поискать какую нибудь бъдную, пригожую шляхтянку, возмемъ ее къ себъ въ домъ – Василько мягокъ, я думаю онъ не устоитъ, подастся — тогда скажемъ ему, противимся счастію уговоримъ его, обезпечить будущность жены его, отписать ей то, другое – тогда все будетъ ЭТО домашнимъ дѣломъ, никому не обязаны отчетомъ и можемъ также ожидать и требовать благодарности панны.....»

— Знаешь что — подхватила пани Бублинская, словно ей какая находка далась, — я при случав раскажу ему какую

нибудь басенку о похожденіяхъ Мелаши со всѣми подробностями, и околичностями, какъ будто ничего не знаю, а такъ, къ слову подведу; скажу что объ этомъ похожденіи знаютъ и всѣ сосѣдки, да только молчатъ, что бы не пятнать дѣвки; она опротивѣетъ ему и онъ откинется, вотъ увидишь. —

«Ну» отвъчалъ панъ Бублинскій, наморщивъ не много высокій лобъ свой, «не торопись, моя коханка, оставь это про запасъ. Посмотримъ еще что будетъ, можетъ статься все это одинъ вздоръ. Это средство надобно пустить въ ходъ только въ крайнемъ случаъ. Василько, того гляди, проврется горлану маіору — а тотъ — ты знаешь — тогда тебъ житья не будетъ.»

Бесѣда эта кончилась проклятіемъ пани Бублинской на правдиваго Запорожца, Степана Власовича, тяжелыми вздохами и даже слезами, горькими жалобами: «чего ему отъ насъ надо, чего онъ привязывается, чего ему хочется, какое ему до чего дѣло? Есть же такіе люди на свѣтѣ, которые

всѣмъ желаютъ зла, во все мѣшаются и никому не даютъ покою!»

Василько встрѣтилъ названыхъ родителей своихъ на крыльцѣ, поздоровался съ ними, они поцѣловали его оба очень нѣжно, похваливали его, шутили: «экой проказникъ! да какъ проворно все уладилъ! и всѣхъ барышень съ ума свелъ! А не бось дома не затѣялъ этого,» прибавила шутя пани Бублинская, «а тамъ, гдѣ много барышень!»

Упрекъ этотъ сдъланъ былъ шутя и также принять Василькомъ, у котораго совъсть была чиста и спокойна. Василько быль вовсе не изъ тъхъ людей, которые любезничаютъ гостяхъ, ВЪ домашней своей любезности, и вымъщаютъ домовинахъ своихъ, на несносною брюзгливостію, каждое веселое и острое слово, каждую улыбку, коими людей внъ дома. Отъ этихъ-то двуличныхъ янусовъ и взялась золотая поговорка наша: не съѣвши съ человѣкомъ пуда соли, его не узнаешь. Василько быль дома веселъ доволенъ, иногда ПОЧТИ онжом сказать

счастливъ; тутъ у него было подъ руками все, и книги, и свои записки, и мастерская, и кларнетъ, и ружье – тутъ любили его и угождали ему всь, начиная съ названыхъ родителей послѣдняго ДО И конюха – покрайней мъръ у Василька не было еще доселѣ никакого повода въ этомъ сомнъваться; и еслибы мы заглянули душу его, то увидъли бы напримъръ, что онъ ушелъ сегодня съ зарею отъ Бабачковъ собственно ДЛЯ того, что его гульба шумная домой; неодолимо быть надовла. Можетъ была небольшая частичка и чего нибудь другаго, можеть быть Васильку хотълось, послъ вчерашняго дня, также неожиданно исчезнуть, какъ онъ явился, съ рожкомъ и со звъринцемъ; но смъю увърить, что это побужденіе во всякомъ случаѣ было только второстепенное. И потому, если бы упрекъ Бублинской принять смыслѣ ВЪ шуточномъ, то онъ былъ бы несправедливъ, но не менъе того говорилъ бы правду. Василько точно не проводиль дома день за день такъ, какъ нынѣ почти двои сутки у

Бабачковъ; онъ не приготовлялъ дома, гдъ одинъ съ бездѣтными мачихой и вотчимомъ – станемъ ихъ называть такъ – на каждый Божій не излаживалъ огней, потѣшныхъ живыхъ цвѣтныхъ И картинъ и окрутниковъ; онъ даже дома, если хотите, нъсколько молчаливъе, веселомъ обществъ, ВЪ любезенъ, обязателенъ, чѣмъ дъвицами – но развъ онжом упрекнуть человѣка, развѣ онжом требовать, чтобы онъ былъ ВЪ смыслѣ одинаковъ дома и въ гостяхъ, при людяхъ и безъ людей?

И туть, какъ вездѣ и всюду, должное, истинное лежитъ въ срединѣ; но грани его сливаются съ крайностями и не всякому удается держаться въкъ свой въ равновъсіи, на золотой срединъ этой, какъ искусному акробату на слабо натянутомъ своемъ; это тѣмъ труднѣе, что тутъ уже надо быть мастеромъ своего дъла, ходить и плясать подъ часъ, И перевъснаго шеста балаганныхъ фигляровъ, свободно, твердо, ходить вольно,

самоувъренно, не замъчая по видимому бездны подъ ногами, ходить какъ гладкому полу. Крайности эти, я думаю, очевидны: одинъ бываетъ дома несноснъе, скучнѣе чѣмъ милѣе И любезнъе быль онь наканунъ въ гостяхъ; напротивъ другой дичится ВЪ людяхъ, бирюкомъ, скучаетъ, боится глядитъ чужаго человѣка какъ ребенокъ третій разсыпается въ обществъ мелкимъ бъсомъ, ни въ ладъ ни въ мъру, многимъ надоъдаетъ, себя унижаетъ и въ глазахъ шутомъ; слыветъ четвертый каждомъ боится шагу наконецъ, на промолвиться оступиться, И избъжать помянутаго недостатка и за то не никакой шутки, обижается понимаетъ всъмъ, бываетъ тяжелъ и не сносенъ.

Но возвратимся къ упреку, сдъланному Васильку: люди, всъ безъ изъятія, тъже забавляетъ дѣти: ихъ только а старая игрушка, скоро надоъдаетъ. Кларнетъ Василька могъ произвести необыкновенное дъйствіе это тамъ, гдъ его не ожидали и почти не знали; дома слушали

его иногда, ЭТО правда, НО КЪ привыкли уже съ тъхъ поръ, какъ бывало упрашивали еще десятильтняго ребенка: Василько, «сдѣлай перестань милость дудить, ВЪ ушахъ звенитъ И голову разломило!»

Сверхъ того, развѣ вы думаете, что шутку, какъ сыгралъ Василько, можно родить къ услугамъ вашимъ всегда и во всякое время, когда вамъ будетъ угодно, не спрашиваясь о томъ у самого себя? нельзя; на ЭТО также нужно вдохновеніе; умъйте его поселить въ томъ, отъ кого ожидаете забавы, и она явится просьбы ваши, сама: же почтенныя просьбы хозяйки, ваши, потѣшить развеселить гостей, обыкновенно отымаютъ и послѣднюю къ тому охоту и способность. Тогда только, если хозяйка сама до того мила и любезна, что и самая просьба эта поселяетъ мгновенное вдохновеніе, себъ она позволить только можетъ прибѣгнуть къ этому отчаянному средству. Одно слово раждаетъ другое, за шутками смъхи, за смъхами потъхи, вы развернулись

и развеселились, сами не зная какъ и отъ чего; время пролетъло, вамъ было весело, пріятно и вы же, говорять, утвшили порадовали другихъ вотъ какъ дълается, заказу! а не ПО мгновенный толчокъ, духовная какая-то сообщенная случайными обстоятельствами, воспламеняетъ васъ, родятся нечаянно головоломнаго размышленія выдумка и самыя средства къ исполненію; какое-то вдохновеніе, есть васъ увъренность въ успъхъ, которая придаетъ вамъ духъ, охоту и бодрость; но послъ такого напряженія, вамъ необходимъ покой, отдыхъ; васъ тянетъ домой, въ уединеніе. Одни противоположности только и бодрость поддерживаютъ силу однообразность нашей; утомляетъ, усыпляеть, истощаеть. Смотрите нѣсколько времени пристально на предметъ яркаго, алаго цвъта: потребность успокоить глазъ и опочить на цвътъ противоположномъ того въ немъ усилится, что взглянувъ на бълую, безцвътную поверхность, вы ясно увидите передъ собою тотъ же предметъ, на

которомъ утомили зрѣніе свое, но только не алаго, а зеленаго цвѣта.

И горе тому, у кого есть этотъ даръ веселить и забавлять добрыхъ людей, и онъ, не спрашиваясь и не ожидая вдохновенія, закабалить себя въ слуги и этихъ добрыхъ людей, станетъ увеселять ихъ по заказу, когда угодно! тѣ, которые не отступными просьбами своими склонили васъ попрать ногами собственное достоинство свое, кинутъ на васъ и первый Не удивляйтесь этому; камень. природъ вещей: если вы забудетесь противъ самихъ себя, и люди станутъ противъ васъ забываться; вы не уважаете себя, и люди васъ не уважаютъ.

удивляйтесь He тому, же И бываютъ большею художники частію причудливы, прихотливы, послъ вдохновительныхъ восторговъ, безъ коихъ нельзя создать ничего чрезвычайнаго; душа требуетъ отдыха, покою, усильно разнообразныхъ впечатлѣній; И новыхъ долженъ художникъ можетъ не И не вамъ, человѣку, служить долженъ онъ

служить генію своему; тогда творенія его будуть даровиты, благотворны и лучезарны; подходите, упояйтесь роскошнымъ тепломъ и свѣтомъ отрадныхъ лучей, они къ услугамъ вашимъ, когда стоятъ передъ вами, какъ отдаленное, неразгаданное еще сѣверное сіяніе; но не требуйте, что бы небо загаралось струями молніи для васъ, и тогда именно, когда вамъ вздумается потѣшаться этимъ явленіемъ!

Теперь просимъ читателей взять на себя трудъ прочитать три или четыре письма, которыя всего лучше познакомятъ насъ какъ съ нѣкоторыми лицами, такъ и съ событіями въ извѣстномъ намъ кругу общества.

Горемыкинъ къ Васильку.

М. Г. Василій Өедоровичъ!

Приношу Вамъ напередъ всего искреннъйшую благодарность мою, за снисходительную дружбу и пріязнь вашу ко мнѣ, столь для меня драгоцѣнную, и за добродушное позволеніе, докучать вамъ, когда мнѣ вздумается, письмами. Иногда,

знаете, не достаеть духу выговорить языкомъ того, что напишешь втихомолку на молчаливый листокъ, какъ будто просебя.

Я стою здѣсь какъ-то одинъ, одиноко; живу, если спрошу себя по совъсти, только такъ, чтобы день прошелъ – а бесъда съ вами открыла мнѣ какой-то новый міръ, къ которому я прежде не тянулся, потому что Бездѣйственный зналъ. насущная жизнь, тяготять меня; мнъ бы хотълось переучиться переобразоваться —чтобы не сказать переродиться съизнова. Какъ слѣпо Я въровалъ во всякую печатную страничку, какъ твердо и самоувъренно я держался бѣдною головою своею за Bce, преподаватели мои возглашали, или помощники читали заикаясь ПО ихъ тетрадкамъ! пишешь бывало, не успъваешь, хватаешь на лету слова и рѣчи — сплетаешь послѣ кое-какъ, и блаженствуешь, добьешься смыслу; - а рукопись недосягаемый, преподавателя, это кладъ какъ звъзды на небъ: можно наслаждаться ихъ блескомъ, но достать рукой нельзя!...

всѣ сомнъній теперь, какъ-то демоны пробудились въ груди моей; не понимаю того, что, казалось, ясно понималъ прежде; начинаю сомнъваться въ томъ, за что бы прежде положилъ голову на плаху; вижу разноръчіе, несообразность, гдѣ прежде для меня все было шито и крыто...... отчего же, скажите, нътъ вещи, ни столь простой, ни столь запутанной, чтобы не было на нее сотни различныхъ объясненій, отчетливыхъ, И ПО толкователей, какъ логическое заключеніе; но противоръчащихъ одно другому, какъ зло – добру, какъ день – ночи? Да-вотъ, кстати, почтеннъйшій Василій Өедоровичъ, слово о логикъ! я держался за нее, какъ за оплотъ вселенной, за краеугольный камень разсудка — а теперь не управлюсь уже и съ нею; она ли измѣнила мнѣ, самъ ли я съ нея повихнулся, но — не повърите, у меня на душѣ и въ головѣ развело такую зыбь, какая-то непріязненная буря всколыхала живаго, во мнѣ есть все, что совладаю уже и самъ съ собою!

Изволите ли знать, что меня съ ума сводить уже другіе сутки? слѣдующій силогизмъ:

Ргороэ. maior. Питье утоляеть жажду. Ргороэ. minor. Селедка въ пищъ побуждаеть къ питью. Conclusio: Ergo, слъдовательно, селедка утоляеть жажду.

Что вы тутъ прикажете дѣлать? явная безсмыслица, а между тѣмъ, какъ бы то ни было, силогизмъ! я не доберусь до завязки и меня это пилитъ и мучитъ, день и ночь.

здѣсь, какъ видно, Васъ почасту **Ооминишна** Степанида вспоминаютъ. говорить, что вы насъ совсъмъ забыли. Между тъмъ –боюсь показаться нескромнымъ, не знаю смъть ли поздравить васъ; я знаю, что это еще тайна, что еще ничего положительно не объявлено; у насъ поговариваютъ объ однакоже довольно гласно. Намедни шла ръчь уже о приданомъ и Степанида Өоминишна сама хочеть въ свое время съъздить за этимъ въ городъ. Върьте, многоуважаемый Василій Өедоровичъ, что я вамъ душевно желаю всякаго добра и блага и - не сомнъваюсь

въ будущемъ вашемъ благополучіи, которое — между нами сказано — суждено не всякому.

Имѣю честь и проч.

Приписка. Стыжусь признаться, въ какіе я попалъ дураки съ силогизмомъ своимъ; но не хочу рвать этого письма, не хочу скрывать отъ васъ недостатковъ своихъ, и если придется передъ вами краснѣть, то да будетъ это заслуженнымъ наказаніемъ моимъ, за опрометчивость и тупость мою. Я предложилъ силогизмъ свой Савкѣ: онъ, съ прибаутками и поговорками, переложилъ его только на свой языкъ и безсмыслица обнаружилась. Онъ перевелъ несчастный силогизмъ мой такъ:

Напившись, пить не хочется, а поѣвши селедки, пить хочется; стало быть, поѣвши селедки, пить не хочется...!! и прибавилъ еще къ этому, не подозрѣвая даже что меня дурачитъ: «нѣтъ, сударь, стара штука, меня на этомъ не проведете!»

Еще приписка. И еще разъ долженъ я передъ вами краснъть: когда хотълъ сдълать на многоуважаемое имя ваше

надпись, или какъ вы намедни предложили замѣнить адресъ: насылку, слово вспомнилъ, что къ стыду своему не знаю даже почтеннаго вашего прозванія. Но еще болѣе меня, удивило что Сергѣевичъ сама даже Степанида И Өоминишна, не могли меня выручить; они, говорять, знаютъ васъ съизмала имени И ПО только отчеству. И такъ, великодушно, и, меня извините прошу покорно, наставьте.

Отвътъ Василька.

Неожиданно обрадовало меня вчера письмо ваше, почтеннъйшій Евстратъ Богдановичъ, и напередъ всего, прошу васъ, оставимте Милостивыхъ Государей, всѣ поклоны, почтенія и извиненія: такъ я писать не могу.

Вижу изъ словъ вашихъ, что вихри сомнѣній мутятъ и волнуютъ въ душѣ вашей море книжныхъ познаній — (незнаю съ чего у меня вырвалось такое напыщенное восточное иносказаніе) — и что здравый разсудокъ, который ищетъ для построекъ своихъ не пловучую гнилушку, а прочныхъ,

надежныхъ основаній, — въ разладицѣ и съ вихремъ этимъ и съ водяною стихіею. Какъ быть; это участь наша. Не я поселиль въ васъ этого демона сомнъній; обитающій въ ИЛИ духъ рано поздно долженъ безчувственной отъ проснуться дремоты убаюканное своей, какъ дитя, просыпающееся свое время, даже ВЪ колыбельныхъ послѣ самыхъ сладкихъ пѣсенокъ мамушекъ нянюшекъ. И скажете: его однакоже можно опять укачать убаюкать можно, покуда ОНО пеленкахъ; а потомъ приходитъ И пора, что баю, да баю надоъдаютъ; пъснями да сказками не возмешь, дитя отбивается рукъ. Есть дъти, которыя остаются дътьми, есть и люди, которые довольны познаніями своими, ученостію и успъхами наукъ: люди счастливы; ЭТИ блажень, кто это можеть. Но этой науки у насъ еще нътъ, ея не преподаютъ нигдъ: върить ПО неволѣ, на перекоръ какъ убъжденію, и какъ довольствоваться тъмъ, что преподають намъ ученые мужи.

Если открыть передъ вами душу, скажу вамъ: я увъренъ, что знаменитая наука или искуство мыслить, ни одного человъка не выучила тому, чему учитъ, а сбила многихъ съ толку. Впрочемъ, собственно вашему недоумѣнію, Евстратъ Богдановичъ, логика конечно уже виновата; она сама по себъ безъ сомнънія твердыхъ и незыблемыхъ началахъ; но я не вижу никакой въ томъ пользы, если мы выучимся разлагать на ружейные пріемы всякую мысль, заключеніе, разсадимъ все ЭТО столбцамъ клъткамъ, разрядамъ, И обременяя по пустому и память и самый разсудокъ. Воля ваша, а всѣ духовныя способности наши ходять въ кандалахъ и въ путахъ, если заставлять ихъ дѣлать два дѣла вдругъ; занузданный и замуштученный разсудокъ очень часто теряетъ природную силу, бодрость и отвагу; раздробленный на части, разсаженный по этимъ столбцамъ и разрядамъ, съ таблицами для руководства дълается рукахъ, **онъ** самъ ВЪ мелочникомъ, крохоборомъ, начинаетъ

пустою діалектикою, гоняться **3a** школярствомъ, и наконецъ уже не умфетъ отличить истины отъ лжи, правды форма дѣлается обмана. Ему сущности, важнъе самой истины. Повторяю, логика здравомыслящаго, а риторика поэта, не создавали; но многихъ сводили съ ума, жалкій обманъ, вводили ВЪ заставляя они глубокіе мыслители думать, что великіе поэты, потому только, что строго логики держатся правилъ И риторики. Правила логики составлены по ходу мыслей здраваго разсудка, который жилъ конечно прежде логики; а потому всякому, кому Богъ далъ здоровую голову, далъ онъ логику. То же самое сказать можно риторикъ и піитикъ.

Относительно вашего поздравленія хотълъ я было, принявъ это за шутку, отвъчать тъмъ же; но я разсудилъ, съ помощію логики своей, что это была бы шутка неумъстная. И такъ увъряю васъ, что готовится приданое не ДЛЯ меня; НИ Сергъевнъ, Меланьѣ мнѣ, ни предполагаемое досужими въстоплетами сватовство на умъ не приходило: не знаю, съ чего это взято; неуже ли нельзя сказать молодой и пригожей дѣвушкѣ трехъ словъ, не женившись на ней?

И Степанида такъ. сама даже Ооминишна не могла разрѣшить вашего Степанида Ооминишна недоумѣнія; знаетъ какъ зовутъ сосъда, который выросъ пятнадцати отъ нея верстахъ!! самомъ дълъ, это было бы не извинительно, если бы только у сосъда этого прозваніе; но его нътъ. Дома меня зовутъ Василькомъ, а Василіемъ гостяхъ ВЪ Өедоровичемъ, отиъ есть TO ПО Өедоровымъ.

Пушка къ Васильку.

Ты утикъ, хлопче, тай байдуже — а тутечки голосять: подай намъ, кажуть, нашого Василька, озьмы та подай! Бувало спивають:

Дидъ рудый, баба руда —

А тамъ сталы спиваты таку, що ажъ нудыть:

Ой бачыться що не

плачу —

А слизоньки льються; Одъ милого нема людей, Одъ нелюба шлються!

А вже теперечки нема писни, нема и торбана, та кажуть що скоро не буде и дивчины: бо схне; схне, якъ квитка на стеблу, та росою изъ очей своихъ сама себе полывае, Василька, серденька свого, до себе пиджидае. А Василька нема: чи винъ утопився, чи винъ забарывся — а нема.

Чи тыжъ справди *ихъ*, мій Василько? чи тожъ можно, що бъ винъ — кажу соби, кажу и людямъ — чи тожъ можно, щобъ Василько свою дивчину покинувъ? Ни, не така у него думка, не такій розумъ винъ мае. Не намовляйтежъ, люде, на мого Василька; бо що винъ робыть, то робыть якъ диды наши варенуху варылы — а вже теперечки такои й нема — уміючи—знаючи, добре гадаючи; то козакъ, правдыва душа, дай Боже и вашому батькови такого сына, якъ мій Василько!

Слухай, сердце мое: тутечки квочки мои показылыся; пріихалы до мене, скильки ихъ тамъ и, уси, кажуть: дядьку! выручи насъ: Василько погубывъ крестну доненьку твою, Мелашу; винъ іи любывъ, вона его любыла; мы вже и рушныкы и хустки попрыпасалы — а теперечки его нема, тай нема, та ще и отчимъ его казавъ десь, що сынъ про те и не дума, не гада, нехай не сподиваються; дивка свиту не бачыть, схне, пропадае; выручи, дядьку Степане Власовичу, выручи!

Отъ тоби и уся не довга, Васильку; чи воны тутъ дило кажуть, чи воны якъ тая собака, що незмогла рику вылакаты, та цилу нычъ на воду брехала — лыхо ихъ зна! Ябъ самъ пріихавъ до тебе, та щось нездужаю; пышы, або ще лучше якъ прыидешь до старого самъ.

Отвътъ Василька.

Почтенный Степанъ Власовичъ, мой почтенный, душевно уважаемый, доблестный запорожецъ! Что я скажу вамъ, при такомъ смятеніи чувствъ моихъ, при

этомъ волненіи испуганной души? *правду*, скажете вы — и она передъ вами, читайте.

Первое чувство, сказавшееся во мнѣ, по истинно отеческаго вашего, было — негодованіе; негодованіе въ степени, безсовѣстныхъ на сплетницъ – чтобы не назвать ихъ другимъ, болѣе приличнымъ именемъ отпусти имъ Господи грѣхи ихъ! Второе – признательность къ вамъ, за прямодушіе и наконецъ — душевная довъріе ваше, и скорбь и соболъзнование о той, которую искусно умѣли подготовить, такъ притворными обольстить увъреніями, употребить просто слѣпымъ орудіемъ замысловъ чужихъ и заставить противъ воли, въ непорочномъ простодушіи своемъ, участіе въ разыграніи принять Соболѣзную предосудительной комедіи! проклинаю душевно виновныхъ, И бездушныхъ нарушителей нашего – ея и моего — покою!

Честно и добросовъстно увъряю васъ, что я никогда не подавалъ повода къ такимъ догадкамъ и заключеніямъ; совъсть

моя чиста: ни словомъ, ни взоромъ, не говорилъ я ей самой — а и того менъе кому другому — о чемъ и самъ никогда думалъ. Вы сами свели насъ тогда, послъ пожара, вмъстъ, я охотно бесъдовалъ съ нею, это правда; но то, что я ей говорилъ, могли бы слышать и слышали, большею частію, всѣ присутствовавшіе; я охотно разговаривалъ съ нею иногда, потому что она умненькая и пригоженькая дъвица — но развъ можно жениться на всъхъ пригожихъ дъвушкахъ, которыми СЪ иногда бесъдуешь?

скоро замътилъ неприличное, Я нескромное и оскорбительное для всякой дѣвицы благонравной вмѣшательство нъкоторыхъ лицъ – меня это огорчило, не за себя, а за нее, и я вслъдъ за тъмъ сдълалъ все что могъ, чтобы избавить ее отъ подобныхъ явленій: я ни разу болѣе не быль въ Шпиговкъ. И вотъ конецъ всему этому! Повторяю, я на чужомъ пиру съ похмѣлья, не виноватъ ниже помышленіемъ. Но не върьте, Бога ради, всему, что насказали вамъ эти наемныя

плакуши о крестницѣ вашей; я совершенно убѣжденъ, что онѣ лгутъ. У нихъ есть на это, какъ на все, свои причины.

Вотъ вамъ, мой почтенный, многоуважаемый Степанъ Власовичъ, все, что могу сказать въ свое оправданіе. Обвините меня, если я виноватъ. Завтра я къ вамъ буду; сегодня уже поздно, а я не хотѣлъ оставить васъ безъ отвѣта, да я и самъ въ немъ нуждался, душа просилась излиться передъ вами сей же часъ.

Трудно себъ вообразить, какой степени былъ взбъшенъ и огорченъ нашъ продѣлка Василько. Съ нимъ случилась еще впервые; гласность, которую придали ей, не безъ намъренія, заботливыя кумушки, испугала его какъ-то; положеніе Меланьи ему казалось невыносимымъ, а пособить было не чъмъ; поступокъ, въ которомъ его упрекали, былъ въ глазахъ его подлостію; разувърить всъхъ невозможно, а какими глазами смотрѣть послѣ на людей? ЭТОГО Онъ не постигнуть, какъ безстыдство и самовластіе

сплетницъ могли дойти когда нибудь до такой крайности.

Мы, люди бывалые, видывали виды и этого, тутъ И ничему удивляемся. Обезславить бъдную дъвушку, лишить ее покою, наклепать и напутать все, что угодно и на кого угодно - это все не ръдко дълается безъ всякой цъли, только для того, чтобы было о чемъ побесъдовать; если же туть еще кроются какіе нибудь замыслы, то слова: авось, небось, и какъ нибудь, заступають мѣсто чести, совѣсти и разсудка. О, эти записныя искательницы невъстъ для жениховъ и жениховъ заботливыя хозяйки невъстъ, ЭТИ ВЪ чужомъ хозяйствъ, дивныя созданія: онъ чутьемъ слышутъ, что дъется и творится на семисотныхъ верстъ семдесятъ околодкъ; и какъ только зачуютъ что, да промыслять въсточку по себъ, то и бъгутъ, сломя голову, какъ разбитыя почтовыя клячи съ гону, и начинаютъ, протянувъ вялыя, тучныя или сухопарыя шеи свои, гаркать и гагакать, будто Капитолій снова загорълся! Онъ судять и рядять, онъ

дълятъ и межуютъ, казнятъ и милуютъ – онъ знаютъ все; онъ увъряютъ васъ въ покуда ихъ духъ, не схватитъ удушье, что Машенька Пухова выходить за роднаго брата – хотя она, до времени, не выходить ни за кого, а роднаго брата у нея и не бывало – что сыры пармезаны и люди фармасоны не въ одной землѣ живутъ, а есть туть разница; что Иванъ Павловичъ взяль за женою столько-то, а отдаеть за столько-то дочерьми **КТОХ** Павловичъ никому на свътъ объ этомъ не говорилъ, и дивится только, отчего у него въ ушахъ звенитъ? Что звъзда съ хвостомъ, прежде звѣзда съ кольцомъ, была разогнулось — наконецъ, кольцо сватьбы, нътъ сговору, нътъ крестинъ, нътъ разводу, нътъ похоронъ, нътъ помолвки безъ нихъ. Онъ опредъляютъ въ Ареопагъ своемъ, чему быть, чему не бывать, кому на жениться и кому кого родить..... комъ сводите и разводите вы мосекъ и кошекъ своихъ, обезьянъ и попугаевъ, а не насъ!

Нътъ земли на бъломъ свътъ, гдъ бы сватовство на заказъ достигло такой

степени общности и совершенства, какъ у насъ. Лишь только дъвушка сложилась, такъ уже она и пошла слыть невъстой: и не на одномъ языкъ слову этому не дано такого обширнаго значенія. За тъмъ сами родители, тетки, бабки, кумушки, тещи, свекрови, свояченицы, золовки, все пошло по первому дождю, по женихи, что по грибы. Тутъ, упаси Боже, подвернуться нашему брату, беззаботному: ты не успълъ еще ни здравствуй, ни прощай вымолвить, а тебя уже разули, и въ карманъ слазили, и въ зубы поглядъли, и опять обули и всего въ двухъ пальчикахъ, что батистовый платочекъ, перещупали. Глядишь — иной вислоухій не думаль, не гадалъ, а ужъ ему давнымъ давно въ одно ухо влѣзли, въ другое вылѣзли, самого въ клубочекъ свертъли, да въ ридикульчикъ и понесли домой: и поминай какъ звали. Что послѣ будетъ – до этого намъ нѣтъ нужды; послъ онъ же сами прикатятъ да разводить, объ мирить ЭТОМЪ не заботьтесь; и онъ же вамъ растолкуютъ

послѣ, отчего и почему это такъ случилось и иначе быть не могло.

А почему же и не такъ? Многіе женятся такимъ образомъ и плодятся и множатся. Напримъръ, я вздумалъ жениться, такъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ захотълось. Вы ошибаетесь, если думаете, что у меня есть на примътъ и невъста: нътъ, это не моя забота; я только попрошу какую нибудь Степохлесту Перехватовну, добрую, услужливую женщину, найдетъ И она невъсту, подберетъ мнъ ее по примътамъ, чтобы напримъръ была молода, И черноброва, и богата, и поплотиве, хороша, и не причудлива, и вдобавокъ еще говорила по француски и играла фортопіано не менѣе 80-ти штукъ. Она, сваха моя, выхваляеть передо мною товаръ свой, какъ сидълецъ на щукиномъ дворъ: хорошія, сапоги, полусапожки, жилетки шинели форменныя, шляпы есть, платки, перчатки! «Есть,» говорить она, «у меня на примътъ такая-то, есть и такая-то - есть одна, и молода и богата и черноброва и Такъ замужъ хочетъ...» что же,

подавайте ее сюда! – «Да она хочетъ только за военнаго, а чернаго платья не терпить!» — Э, вздоръ, ничего; вѣдь я и служить, хотълъ когда-то раздумаль; это пустое, все равно! — другая есть — третья есть, и я все приговариваю: подайте сюда и эту, а не то подайте ту! позвольте, потерпите, дайте поразвѣдать маленько,» отвъчаетъ наконецъ Перехватовна, МОЯ «сладимъ дѣло, я многимъ господамъ служила, слава Богу, довольны остались.» — Во все это время, вы меня уже нигдъ не встрътите иначе, какъ въ новомъ фракъ моемъ, со свътлыми пуговками и въ жилеткъ СЪ отворотами.

Наконецъ, меня везутъ на смотрины, хотя ихъ не всегда такъ называютъ, а Ho говорять: просятъ познакомиться. знакомство это ограничивается тымь, что я пріъду вечеромъ въ домъ, гдъ отроду не бываль; что меня встрѣчають какъ стараго знакомаго, называютъ по имени и отчеству, здоровіи матушки моей, спрашивають о братьевъ и сестеръ, называя всъхъ ПО

именно — что между тъмъ всъ смотрятъ на меня, какъ лягушки на осиноваго царя своего: кто вылупивъ глаза, кто бочкомъ, кто искоса, кто украдкой; а Маша входитъ наконецъ разодътая и разубранная впухъ и зарумянившись разливать садится бесъда тѣмъ между идетъ самая политичная, все о постороннихъ вещахъ, ничего не бывало. Вотъ знакомство: или вы завтра же можете поздравить меня женихомъ, если невъста приглянулась, или я, раскланявшись приглашеніе: быть принявъ знакомымъ, пропадаю опять навсегда, если невъста не показалась. Тогда и нога моя больше не бываеть въ домф. Положимъ, я рфшился: сватаюсь, и жалью только, что новый альмавива мой пролежаль весь вечерь въ передней и что, кромъ слугъ, которые на немъ преспокойно почивали, его никто не И видалъ. сватаюсь, такъ, наконецъ вънчаюсь, везу молодую домой – и тутъ начинаю догадываться, что только придется еще по неволѣ сдѣлать весьма уступки, относительно значительныя

разныхъ свойствъ, качествъ и принадлежностей супруги моей, противъ перваго моего затребованія, первой сыскной, рядной или погонной, если только не придется намъ разойтись врознь, каждому туда, отколѣ пожаловалъ!

Нѣкто – по чину титулярный, по росту коротышъ, по лътамъ своимъ старшій братъ или дядюшка, а по званію, на этотъ разъ, рѣшительный женихъ, – пріѣхалъ службъ, изъ уъзднаго города въ губернскій. Здѣсь видитъ онъ, не знаю какъ и гдѣ, рисунокъ разумъется какой-то которымъ подписано: подъ красками — Рисовала дъвица Анчоусова. «Какая это дъвица?» — здъшняя, говорять, дочь 2-го члена Межевой Конторы: отецъ весь въкъ свой графиль да чертиль, да отбиваль пунктиромъ, расписывалъ, да положенію, березовый лісокъ зеленою, а дубовый коричневою красочкой, дочь у него всему этому наглядкой и выучилась. — Коротышъ мой, не долго думавъ ни въ какіе далъе распросы, пускаясь Осторожный сваху. засылаетъ членъ

спрашиваетъ, которую дочь сватаете? и свашенька задумалась, не могла дать отчету и поъхала за справкой. «И такъ ихъ двъ!» изумленіи восклицаетъ ВЪ радостномъ женихъ, какъ будто бы хотълъ жениться на объихъ! «Сватайте ту, которая рисуетъ». – Да никакъ объ рисуютъ. — «Объ! довольно странно: сей часъ видно, губернскій городъ! и можеть быть другая рисуетъ еще лучше этой,» подумалъ коротышъ, «какъ тутъ быть? Ну, все равно, только сдълайте милость поскоръе, какъ бы сегодня?» дѣло кончить рада сватать? стараться, которуюжъ да Старшую, что ли? — «Ну да, старшую.» — Или можетъ статься полюбится вамъ меньшая, она дъвушка бойкая? – «Хорошо, меньшую, слѣлайте пожалуй, только милость поскорве: повзжайте вы, обожду туть у вась!» Сваха вдетъ, возвращается домой сватаетъ, нѣтъ сегодня, нашего НИ женишка завтра, ни послъзавтра, словно утонулъ – а вдругъ слышно, тамъ что онъ уже помолвленъ и вовсе на другой. Какъ же это

случилось? очень просто: вы уже видъли, что жениху нашему охота жениться пришла смертная; ему ДО вечера дожидаться показалось долго; пошелъ раздумье мыкать по широкой улицъ. Идетъ, идетъ и видитъ вдругъ передъ нимъ мелькнула, перебъжавъ дорогу, прекрасная незнакомка, и исчезла, нырнувъ въ калиточку. Вмъсто салопа и нея былъ шляпки, y накинутъ черезъ голову большой бумажный платокъ, лица почти было не видно; «но если она будетъ моей женою,» подумаль коротышь, «такъ я наглядъться на нее успъю.» Между тъмъ, обронила тетрадку, красавица которую искатель невъстъ подхватилъ жадностію и прочелъ на ней: древняя исторія. **«**O Кліо!» восклицаетъ вдохновенный, «Кліо, ты моя!» замътимъ, что эта Кліо бъжала изъ пансіона какого-то францускаго самоучителя, осколыша Большой арміи, и была уже дівой зрівлой. У насъ слъдовали Жанъ-Жаку и дътей смолоду не убивали ученьемъ. И Кліо, которая пряталась первые три ДНЯ нашего сверчка-жениха, какъ отъ пугала,

привыкла къ нему ровно къ тому сроку, какъ поспѣло приданое — нѣтъ вещи, къ которой бы не приглядѣлся свѣтъ — и вышла за него и живетъ.

Нѣкто колежскій асесоръ и кавалеръ, человъкъ дъловой, скорый, расторопный, который вставалъ лѣто зиму четвертомъ часу, а ложился въ девятомъ, послѣ обѣда отдыхалъ съ часокъ и опять спѣшилъ всѣ концы дѣламъ, BO ПО расказывалъ вамъ, не переводя состояніе атмосферы, барометру ПО термометру, денежные курсы, ПО въдомостямъ въ Москвъ и Петербургъ, цѣну на овесъ, рожь и пшеницу, новости городскія и иногородныя, кражи, пропажи, смертные случаи, сватовство, крестины и вдобавокъ родины, еще И дюжину предположеній о всякой всячинъ — такимъ же образомъ, на самую скорую руку, обдѣлывалъ домашнія свои чужія И дѣлишки ПО той части, о которой мы собственно Онъ говоримъ. пріискалъ однажды для дочери пріятеля и сослуживца своего, для котораго старался, какъ для

себя, завиднаго жениха, съ условіемъ однакоже, что бы 20 тысячъ было отдано безотчетно въ распоряжение новобранца. Согласились, помолвили дътей и запили, водится, Шампанскимъ, назначили день сватьбы, посаженные съ шаферами съѣхались, невѣста одѣта, гости привалили, дожидается, a жениха Фонарь такъ называли **ДОМИКЪ** МЫ хозяйскій, былъ за TO, ЧТО онъ малъ, тъсенъ, свътелъ, прозраченъ И очень засаленъ – фонарь давно освъщенъ, народъ толпится подъ окнами, готовый плакать и смѣяться, какъ случится; посылають въ церковь въ десятый разъ – жениха нътъ. Наконецъ, отправляютъ шафера женихомъ: не заболѣлъ ли, не случилось ли чего? Ничего не бывало; онъ сидитъ дома, въ халатъ, въ спальныхъ сапогахъ, куритъ трубку и читаетъ Московскія въдомости. «Помилуй, братецъ, одъвайся, время къ вънцу ъхать; тебя давно ждутъ! Что съ тобой, нездоровъ, что ли?» Нътъ ничего, слава Богу; да такъ, я раздумалъ. – «Что раздумаль?» — Да жениться. — «Помилуй,

ты шутишь?» — Чего шутить, нѣтъ, право. Это самое пустое дѣло, колода на шеѣ, руки связаны, ребятишки визжатъ – Богъ съ ними и съ нею. – Шаферъ, внъ себя отъ отправляется обратно. изумленія, Шопотъ, совъты тишкомъ все барыни нишкомъ раскудахтались, засуетились — но коллежскій ассесоръ мой столбовыхъ уже сълъ покатилъ на И дрожкахъ своихъ къ жениху, и въ двѣ минуты разузналъ все, что ему было нужно. Женихъ не довърялъ дарословію будущаго своего, върилъ не тестя поговоркъ: уговоръ лучше денегъ; думалъ: деньги лучше уговору. Поэтому онъ и объявилъ, что не пойдетъ съ мъста, до уплаты всего сполна по уговору. Когда же хлопотунъ нашъ привезъ ему полную сумму, которая частію нашлась у будущаго тестя, частію же была собрана тъмъ же добрыхъ всесвѣтнымъ ходатаемъ \mathbf{y} пріятелей вдолгъ, то женихъ, спокойно пересчитавъ деньги, приказалъ Гришкѣ подать шпагу, шляпу и мундиръ — а гости и невѣста между тѣмъ все дожидались —

одълся, поъхалъ, обвънчался и тулумбасы гремъли и тарелки стучали до полуночи и бъ веселіе и многая радость.

Василько, написавъ маіору отвѣтъ, пошель пройтись, куда глаза глядять. Душа его была такъ взволнована, что онъ не могъ усидъть на мъстъ. Незамътно прошелъ онъ довольно далеко: вечеръ былъ темный; Василько остановился на мостикъ, взглянулъ впередъ передъ И затеплились три огонька. Съ негодованіемъ сердцѣ глядѣлъ болью на освѣщенныя Ирины Титовны, окна прислонившись, сложа руки, къ столбу мостика, покачалъ головою и сказалъ:

«Такъ онъ опять уже сошлись, обветшалыя кофейныя мельницы, съъхались на раду, на въче свое, потомучто безъ нихъ не было бы у насъ завтрашняго дня! Пусть прощаеть вась кто хочетъ, а я васъ не прощаю. Нътъ, я бы минуту половину ЭТУ отдалъ всего ВЪ построеніе имущества своего на смирительнаго дома, въ которомъ бы вы заняли первыя, почетныя мъста! Тамъ бы я

заставиль вась и плесть и молотить языкомъ, а руками; тамъ бы вы узнали, въ поту лица своего, какое различіе между жизнію тунеядца И житьемъ честнаго, полезнаго, работящаго человъка! Дурь глупость вашу Богь вамъ простить; двуличіе ваше, ханжество, безсовъстность, бездушіе, клевету, ложь, которая служить орудіемъ и средствомъ ко какъ блаженныя которыми вы, памяти Архимедъ, приподняли бы шаръ земной на оси его, если бы вамъ дали только опорную точку внѣ земнаго шара – неужели эти дъянія достойнаго минуютъ ваши возмездія? Не знаю; но вижу, что теперь живете въ изобиліи, холите и себя и шавокъ своихъ, слывете умницами по цѣлому округу, васъ называютъ почтенными, намъ велять уважать васъ; вижу, что подходять съ подобострастіемъ къ вялой или дебелой рукъ вашей, вижу, что у васъ есть на все свои потайные ключи, свои привъты совъты, пружины махины, И доходы доводы; слава и доброе имя, безъ котораго на свъть промежь людей жить нельзя, у васъ въ рукахъ; а языки ваши равно искусно и соловьемъ щелкаютъ, и зміемъ шипятъ. Чего же вамъ больше? Вамъ и честь и слава!»

Бублинскіе, какъ уже напередъ можно заключить изъ слышаннаго нами между разговора, оборотомъ дѣла ЭТИМЪ ними были крайне довольны. Хитрый очень скоро смътилъ, что Василько вовсе не думаеть о сватовствъ, что все это однъ сплетни, полагался на разсудительность и самостоятельность пасынка и не опасался болѣе было грозившаго уже Подосланнымъ переворота. Бублинскіе отвъчали насмъшками, свысока, почему свахи наши, увидавъ, что съ этого конца нътъ приступа, попытались зайти съ другаго, осадивъ И взявъ приступомъ нашего добраго запорожца.

Мачиха и отчимъ, нѣсколько времени послѣ этого, обращались съ Василькомъ ласковѣе обыкновеннаго и не могли скрыть свою радость. Между тѣмъ однако же довольно странный и неожиданный случай разстроилъ согласіе ихъ съ пріемышемъ,

болѣе чѣмъ когда либо, лишилъ обѣ половины взаимной довѣренности и открылъ Васильку горестнымъ образомъ глаза.

Зеленый панокъ, несчастный чижикъ, быль въ такомъ отчаяньи, послѣ неудачнаго похищенія Улиньки, что хотъль топиться и стръляться и наконецъ, перебъсившись и образумившись, заслаль опять къ Авдотьъ Поликарповнъ свахъ, полагая, что она уже, послъ довольно гласныхъ похожденій дочери своей, будетъ посговорчивъе. Тетка его, Ирина Титовна, тутъ очень много хлопотала; но Поликарповна предлагала одну только мировую, чтобы у чижика быль свой кусокъ хльба; чтобы Титовна заживо отписала ему водяную мельницу свою, приносящую въ годъ тысячки двъ. Разумъется, Титовна, что на основаніи, не мирилась и слезы и просьбы за-даромъ. пропали племянника ея Отчаянною мольбою и разными объщаніями чижикъ успълъ однако же склонить тетку свою уступить ему мельницу эту довольно сходно, съ тъмъ, чтобы онъ деньги эти

досталъ на лицо. Чижикъ пустился на это въ довольно странной надеждъ: выпросить у Василька, 10 тысячъ взаймы для чижика однимъ первыхъ изъ богачей въ міръ. Добродушному Васильку, которому чижикъ растолковалъ, что вы-де изъ опеки давно вышли, въ самомъ дѣлѣ польстила мысль, сдълать, при первомъ свободномъ употребленіи достатка своего, доброе дъло; онъ согласился было съ своей стороны пособить и чижику и бъдной Улинькъ, но услышалъ отъ отчима своего, послѣ долгихъ и тщетныхъ переговоровъ и уговоровъ, ръшительное не позвалямъ. Это подало Васильку поводъ просить, со всъмъ преданностію, уваженіемъ сыновнею И чтобы опекунъ передалъ ему лучше все имъніе; Василько благодарилъ втораго отца своего непритворно за всѣ заботы его и попеченія и прибавилъ: «Пора мнъ однако же самому заступить мъсто опекуна своего васъ, батюшка, хлопоты снять СЪ не ребенокъ, мнъ чужомъ; совъстно Я лежать у васъ дармоѣдомъ на шеѣ.» Хотя полякъ Бублинскій отклонилъ и отсрочилъ

требованія исполненіе ЭТОГО самымъ благовиднымъ образомъ, и поцѣловалъ питомца своего трижды въ лобъ, но бъдный ВЪ Василько, первый разъ усомнился въ искренности этихъ лобзаній, было горько больно И Невольно нестерпимости. Василькъ ВЪ мелькнула мысль, что отчимъ извлекаетъ какія нибудь личныя для себя выгоды изъ довъреннаго ему имущества – добрый Василько самъ ужаснулся такой мысли, неотвязчиво НО она уже преслѣдовала и ему не было отъ нея покою. Ему дороги были тутъ не рубли и копейки, а честь своего втораго отца, котораго онъ уважать почитать привыкъ И малольтства, какъ отца роднаго. Грусть и раздумье заволокло всегда ясное Василька, ласки мачихи И отчима не утъшали его, не спокоили; между нимъ и ледяной стѣной выросла встала И неприступная грань, семейное какая-то счастье его рушилось. Положеніе это день Василька становилось ДЛЯ **OTO** ДНЯ нестерпимве, можеть быть ему также

было передъ стыдно **ТИНИТОЖНЫМ** человъкомъ, каковъ нашъ корнетъ-поэтъ, что не можетъ располагать по волѣ добромъ своимъ – словомъ, Василько пришелъ въ утро къ отчиму своему и сталъ проситься куда нибудь въ путь. Отчимъ было немножко сначала позамялся, полагая, что Василько хочеть ѣхать границу, а на это опять таки понадобилось бы много денегь; но когда этоть сказаль положительно, что времени до оглянуться немножко на только родинъ которая гораздо своей, ДЛЯ него занимательнѣе заморья, Бублинскій TO разсудиль, что такая поъздка всего лучше разсветь Василька, разгонить думу его и позабыть заставитъ возникшую было непріятность.

И такъ Василько, оставивъ отчиму примърный путевникъ, которому намъренъ былъ слъдовать; сълъ въ плетеную, польскую бричку, легкую и удобную, и покатилъ, на первый случай, прямо на съверъ. Прощаясь съ родителями своими, онъ прослезился, и это были столькоже

слезы сыновней любви и привязанности, сколько и слезы душевной скорби и огорченія.

До Василько отъѣзда, еще повидался съ Пушкой и съ Горемыкинымъ. онъ признался BO откровенно, когда тотъ, положивъ ему руку на плечо и пригвоздивъ его искристыми, карими очами своими, сказалъ: «Василько, зроду не обманывавъ, мене теперечки хочешь видбрехаться? чи яжъ тебе выдамъ, або що? Сидай, та сыпъ мини отсюды правду» — и указаль на голую грудь свою.

Маіоръ Василька слушалъ расказъ пристально, а потомъ сказалъ: \ll \mathbf{U}_{TO} трясогузкъ кинуть дали тебъ этой даромъ десяти тысячъ, это дѣло; а что ты добрался наконецъ самъ до правды — это также къ лучшему; постороннему человъку говорить тебъ объ этомъ не приходилось, а лицо и въ глаза говорилъ Я Бублинскимъ паньству часто, что ходять не въ своихъ кожухахъ. Какъ быть; поъзжай съ Богомъ, а воротишься, живы да здоровы будемъ, перегадаемъ да передумаемъ, что и какъ ладить.»

Горемыкину Василько оставиль въ полное распоряжение хорошій подборъ книгъ на четырехъ или пяти языкахъ и увезъ отъ него въ дорогу — признаніе, о которомъ скажемъ нѣколько словъ ниже.

надобно Теперь сказать, дъло въ Шпиговкъ. –Степанъ кончилось Власовичъ, получивъ ясное, откровенное и благородное письмо Василька, и поговоривъ съ нимъ лично, велѣлъ въ тужъ минуту чубараго въ струментъ заложить отправился въ Шпиговку, сыпалъ на пути проклятія вправо и влѣво, и заставъ у Бабачковъ Ирину Титовну съ приборомъ, пропълъ всъмъ имъ такую пъсню, что онъ чай долго еще крестились да отмаливались. «Чому васъ», сказалъ онъ имъ прочимъ, «чому васъ, та жидивъ, та цыганъ беруть мылують, не васъ на Царскую?(*) пралыбъ та пралы сорочки на солдативъ, хочъ бы не даромъ хлибъ илы, тай не сталобъ тоди у васъ часу на таке

(*) Въ тѣ поры съ жидовъ еще рекрутъ не брали, а цыганѣ шатались никуда не приписанные, а также повинностей никакихъ не несли.

паскудне дило!» Потомъ Маіоръ отыскалъ крестницу свою, Мелашу, взялъ ее за руку, комнату, гдѣ ВЪ не поцѣловалъ постороннихъ, перекрестилъ и заговорилъ съ нею такимъ отеческимъ языкомъ, какого она отроду дома не слыхала. Обвивъ руки свои вкругъ шеи почтеннаго, съдаго Маіора, она залилась слезами, но вскоръ оправилась опять и сказала простодушно, съ чувствомъ и благородствомъ: «Батюшка, выслушайтежъ и меня, вы меня поймете: что было у меня здѣсь, на сердцѣ, того не зналъ и не могъ знать никто; а что думали и говорили за меня другіе, въ томъ я ли виновата?» Степанъ Власовичъ точно понялъ отвътъ этотъ, и снова поцъловалъ Мелашу и снова ее перекрестилъ.

Горемыкинъ, когда вся развязка эта дѣялась и творилась передъ глазами его, словно головою изъ подъ воды вынырнулъ, да снова увидѣлъ передъ собою Божій свѣтъ, снова прозрѣлъ и услышалъ. Онъ давно уже любилъ Мелашу, но втайнѣ, безнадежно: во первыхъ, никогда не

ожидалъ взаимности, а во вторыхъ, и во снъ не смълъ увидъть, чтобы Степанида Өоминишна согласилась на этотъ бракъ. Евстратъ Богдановичъ почиталъ чувство свое какимъ-то преступленіемъ, запряталъ его на самый исподъ, въ темный уголокъ своего сердца, и пугался одной мысли, что нибудь можетъ быть кѣмъ открыто, что его могутъ вытащить на свътъ, общее позорище. При всемъ однако же, неожиданное открытіе, что Василько вовсе угрожаетъ ему не соперничествомъ, его какъ-то обрадовало и ободрило, хотя трудно объяснить почему? Отношенія его отъ этого не измѣнились, надежды не прибавилось ни на-волосъ. Василько послаль, Когда же передъ отъвздомъ своимъ, въ воскресный день, Горемыкинымъ, оба линейку **3a** бесъдовали другъ съ другомъ откровенно и свидѣтелей прошедшемъ, безъ O будущемъ и настоящемъ, то Евстрату тайна его приступила къ глоткъ и чуть его не задушила: онъ покаялся Васильку во всемъ такихъ выраженіяхъ, ВЪ И ВЪ какихъ

говорять о какомъ нибудь бѣдствіи, противъ котораго нѣтъ ни зелья, ни снадобья, и говорятъ объ немъ только, чтобы облегчить душу свою.

Степанида Ооминишна сначала кричала, привязала куску ПО соленаго огурца къ вискамъ отъ головной бѣдной такъ она тужила ПО обманутой дочери — НО Маіоръ когда побываль въ Шпиговкъ, усовъстиль мать, дочь, крестницу свою, успокоилъ объявилъ все дъло сплетней самаго дурнаго разбору, то Степанида **Ооминишна** выздоровъла, замолчала, сняла огурцы и повязку и стала мотаться по прежнему въ хозяйствъ. Сергъй Сергъевичъ игралъ во все это время въ молчанки.

Василько очень хорошо чувствоваль, что ему необходимо было соединить съ прогулкою своею какую нибудь цѣль, намѣреніе, что ѣхать только поглядѣть на Божій свѣть нельзя; на это не стало бы, думаю, никого, а всего менѣе нашего Василька. И такъ, онъ задалъ себѣ вотъ какую задачу:

- 1) Собирать ПО ПУТИ всѣ названія мъстныхъ урочищъ, распрашивать памятникахъ, преданіяхъ и повърьяхъ, съ тѣмъ, соединенныхъ, съ впослѣдствіи примѣнять все ЭТО бытописанію Россіи, которое необходимо должно, во многихъ случаяхъ, поясняться этими памятниками старины.
- 2) Разузнавать и собирать, гдѣ только можно, народные обычаи, повѣрья, даже пѣсни, сказки, пословицы и поговорки и все, что принадлежитъ къ этому разряду.
- 3) Вносить тщательно въ памятную книжку свою всѣ народныя слова, выраженія, рѣченія, обороты языка, общія и мѣстныя, но неупотребительныя въ такъназываемомъ образованномъ нашемъ языкѣ и слогѣ.

Послѣдняя статья, въ глазахъ многихъ, вѣроятно, пустѣйшая изъ всѣхъ трехъ, для насъ съ Василькомъ была самая главная и важная. Мнѣнія и понятія нашего объ этомъ предметѣ въ нѣсколькихъ строкахъ изложить нельзя; но оно въ кратцѣ, въ перечнѣ, заключается въ слѣдующемъ:

Образованность и просвъщеніе разлились по нашему отечеству быстрымъ горнымъ потокомъ, не ниспадали исподволь дождемъ и росою: то, что люди всосали, капля по сосцовъ матернихъ, изъ похлебали ложками, молокомъ, МЫ ендовами. – Языкъ, который выпили преобразовывается въками, не успълъ за переворотомъ, отсталъ, тъмъ надо было выразить все то, что вновь наводнило сердце и душу, нравственныя и умственныя силы наши; вотъ по чему стали мы по неволъ говорить и писать не по руски, какъ и понынъ пишемъ мы съ вами, мой почтенный читатель. Пенять за это на насъ нельзя; на нътъ и суда нътъ. Не одни выраженія, а цѣлые обороты, слова, изрѣченія, переносились цѣликомъ другихъ языковъ, слишкомъ удаленныхъ, по свойству своему, отъ нашего; вышла безцвътная смъсь, которая **BCe** еще достигнуть образцовъ могла своихъ, языковъ Европейскихъ, и также довольно отстала – а не оставила его за собою – отъ языка природнаго. Языкъ нашъ не гнется

въ заморскую дугу, и мы его ломаемъ; что противно духу языка, того онъ себъ усвоить не можетъ; онъ долженъ перебродить самъ въ себъ, на своихъ дрозжахъ, тогда изъ него выработается языкъ сильный, могучій, богатый, всеобъемлющій: таковы начало и корень его. На вопросъ: откудажъ намъ учиться, послъ всего этого, русскому языку? отвътъ слъдуетъ, самъ собою, изъ предыдущаго: учиться надо ему тамъ, гдъ онъ еще не искаженъ, не перелицованъ на изнъмечился, изнанку, не TO есть народъ. Кто захохочетъ при ЭТОМЪ И Василькомъ скажетъ: СЪ ≪онъ хочетъ заставить насъ говорить костромскимъ или галицкимъ напъвомъ, наръчіемъ низовыхъ бурлаковъ» — тотъ насъ не понимаетъ, и гръшить, выдавая свои затъи за наши. Духу нашего языка надобно учиться нынѣ вообще костромскаго, ярославскаго И русскаго крестьянина, всякаго простолюдина, потому что этому изъ книгъ научиться нельзя; но языкъ, который, подобныхъ вслъдствіе изысканій, выработается со временемъ такихъ изъ

началъ, будетъ не мужицкій языкъ, а русскій, образованный языкъ, котораго досель еще у насъ нътъ.

Такимъ образомъ, напримѣръ, находимъ записной книжкъ Василька: – вмѣсто: «казакъ осѣдлалъ коня какъ можно поспъшнъе, посадилъ товарища своего, у котораго не было коня, на крупъ, слъдовалъ за непріятелемъ своимъ, ВЪ виду, всегда чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на него кинуться» — вмѣсто этого, пиши и говори: съдлалъ уторопь, ≪казакъ посадилъ безконнаго товарища на забедры и слъдилъ непріятеля въ назерку, чтобы спопутности него ударить,» на обсылаться подарками, обознаться въ комъ нибудь – опознать вещь или человъка – опознаться на мъстъ –пронять ухо сергой – притти на побывку – наслушивать съть или удочку рукою – сидъть слуху на овражки заиграли – поползень – зорница – марево — и такъ далѣе.

Вотъ зачѣмъ Василько поѣхалъ, вотъ на что обращалъ онъ все вниманіе свое, а

потому деревни и села занимали его гораздо губернскіе чѣмъ наши города, которые осмотрѣны уже многими, кругомъ и со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ то, за что взялся нашъ путникъ, былъ еще почти никъмъ не початый, не тронутый родникъ рудникъ, какъ угодно. Василько напередъ всего хотълъ узнать отечество свое съ послѣдней и низшей ступени его, съ основанія, а потому изучаль, вмѣстѣ съ памятниками и языкомъ, и самый народъ обычаи, свойства, нравы нашъ: его, наклонности, духъ, мысли, все. Онъ ѣхалъ медленно, большею частію на долгихъ, выбиралъ распросамъ разнымъ ПО И примѣтамъ ночлеги свои И роздыхи, братался съ крестьянами, наводилъ ихъ то на то, то на другое, заставляль гуторить, баить балагурить, потому И что ЭТИМЪ окольнымъ путемъ, только, онжом вывъдать изъ нашего крестьянина то, что нужно было Васильку, прямыми a распросами никогда и ничего не добъешься. Примѣты, которымъ Василько ПО людей иногда очень удачно отыскивалъ

такого покрою, какъ ему было нужно, довольно странны: разъ, напримъръ, онъ увидълъ въ одномъ селъ презатъйливаго пътушка на щищъ и прехитрой ръзбы кровельныя полотенца; онъ доспросился мужика-плотника, который ихъ работалъ, и нашелъ для себя въ этомъ человъкъ кладъ.

образомъ Василько заѣхалъ шагъ за шагомъ и въ теченіе нъсколькихъ мѣсяцовъ, уже довольно далеко отъ родины своей, а именно въ Оренбургскую губернію, и собирался все еще далъе на востокъ, когда нашелъ въ Шешминскомъ фельдъшанцъ бълоголоваго старика, солдатскаго малолътка, Егора Кондратьева Арзамасова. Довольно странно видъть тутъ цѣлыя малольтковъ, у которыхъ селенія есть дъти, но иногда только внуки правнуки. Они поселены были ВЪ полками, избавлены время всъхъ ОТЪ повинностей, и потомки все ихъ еше сохранили названіе малольтковъ. Этотъ замъчательный старикъ зналъ и помнилъ все, что дѣлалось въ томъ краю, покрайней мъръ въ теченіе 50-ти лътъ. Кромъ того,

онъ складно расказывалъ, вытвердивъ ихъ наизустъ, много сказокъ, думъ и былей. Всего лучше показалась Васильку быль, о взяти Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ Казани — и мы выпишемъ здѣсь быль эту, какъ потому, что она стоитъ этого по себѣ, такъ и потому, что она собственно задержала Василька на послѣдяхъ въ Шешминскомъ фельдъ-шанцѣ, и была причиною не маловажнаго, для всей жизни его, Василька, приключенія.

Быль о взятіи Казани.

«Когда Царь Иванъ Васильевичъ подступиль подъ городъ Казань, то стоялъ онъ подъ городомъ подъ Казанью ровно три городъ держалъ Эмей года: a волшебницей, да правилъ городомъ Царь Семенъ-невърный. И эти орудія-пушки были \mathbf{y} Царя Грознаго заговорены волшебницей, а Божьей онъ волей умудрился, Царь Иванъ Васильевичъ, подкопъ подвести отъ города **3a** верстъ. И велъ онъ подкопъ этотъ подъ Казанкой-рѣкой и подрылся подъ самый

кремль, нутреной И подкатилъ онъ пороховыя бочки подъ самый кремль, и приказалъ онъ на бочкахъ этихъ затеплить свъчи, и во станъ своемъ на вольномъ вътру свъчи, и дойти огню отъ этихъ свъчей и до пороху, и разорваль бы онъ кремльвнутренній. Ha вътру потеплились, нутреной городъ не начинаетъ Грозенъ былъ въ тъ-поры закричалъ Иванъ Васильевичъ; «подайте голосомъ: Мамлюту **ТЕМИЧЕ** Темрюкова, молодова палача! Возьми ты, Мамлюта, канонера главнаго, сыми ты съ него буйну голову, по самыя по его могучія измѣну за за великую.» его Выводить его Мамлютка Темрюковъ сынъ, хочетъ съ него снять напрочь буйну голову, по самыя по могучія плеча, и возговорить тотъ канонеръ главнъйшій: «Батюшка нашъ, Иванъ Васильевичъ, Царь не прикажи казнить, погоди въ часу хоть съ минуточку, прикажи рѣчь говорить: на вѣтру свѣчи свѣчи скоро теплятся, подземельны помаленьку горять!» Не успълъ кононеръ слово молвити, и взорвало самый городъ

внутренній. Поздравляеть Царь Семенъ невърный Царя Ивана Васильевича городомъ, выноситъ ему на золотомъ ключи, и отъ кремля того и отъ тебѣ, «Вотъ царь города: Васильевичъ, городъ мой и вся Азія!» то есть вся Башкирь, прибавиль отъ себя Арзамасовъ, и сталъ расказывать дальше и дальше, о заселеніи Закамской линіи, древнихъ Болгарскихъ укрѣпленіяхъ, по этой же линіи, отъ коихъ и по нынъ остались потайныя подземелья, спуски къ водъ, о Пугачъ и прочее.

Василько собрался было совсъмъ ъхать, лошади были заложены, И когда Арзамасовъ вспомнилъ пъсню о взятіи Казани; Василько сталъ записывать ее, сталь распрашивать старика еще кой о чемъ, и это было поводомъ TOMY, путникъ нашъ замъшкался, расчелъ, что лучше здъсь позавтракать, велълъ сварить себѣ яицъ и подать молока, и такимъ образомъ выъхалъ часами тремя позже, чъмъ было собрался и уложился.

успѣлъ отъвхать онъ отъ Шешминскаго десяти верстъ, какъ вдругъ увидълъ по дорогъ дымъ и наъхалъ пожаръ особеннаго роду: не домъ горѣлъ, и не изба, а дорожная повозка, карандасъ на дрогахъ, отъ долгихъ котораго отступились, какъ видно, и самъ хозяинъ, стоявшій преспокойно подлѣ, и ямщикъ, державшій отложенныхъ лошадей поводу. Василько остановился, помощь, но уже было подать поздно; загоръвшейся оси и колеса, пламя, σтъ обхватило повозку. Василько ВСЮ провзжему, котораго станъ, предложилъ ростъ и черты напоминали ему разительно стараго почтеннаго друга, Степана И Власовича, предложилъ мъсто въ бричкъ проъзжій, нашедши своей, И незнакомомъ, величайшей КЪ радости которымъ человѣка, своей, СЪ МОГЪ говорить на природномъ языкѣ своемъ, безъ всякихъ обиняковъ пожалъ ему руку, кинулъ чемоданчикъ, плащъ и подушку въ бричку Василька, и новые товарищи попутчики поскакали.

Василько **ѣхалъ** теперь СЪ Давидсономъ, англичаниномъ управлявшимъ въ то время однимъ значительнъйшихъ частныхъ горныхъ хребта. Давидсонъ заводовъ уральскаго **ѣ**здилъ куда-то по заводскимъ дѣламъ и узнавъ, что у Василька нѣтъ опредѣленнаго пути, просилъ его убъдительно вмъстъ на заводъ и посътить радушное семейство обрусълаго Англичанина, какъ Давидсонъ при этомъ случаѣ «Коли вы уже выразился. заѣхали концесвътный край нашъ,» продолжалъ Давидсонъ, «то вамъ надо посмотръть и на горнозаводское производство наше, вещь любопытная. Первое, что я вамъ покажу у себя, это выдълку изъ чугуна жельза: у насъ вообще nody даютъ большой наклонъ, слишкомъ отчего, правда, гари или шлаку бываетъ меньше, а жельза выходить больше, но оно дурное, хрупкое, лопается не рѣдко при самой укладкъ на барки: у меня этого нътъ; я вамъ покажу, какое у меня желѣзо! его и въ Нижнемъ знаютъ, оно и тамъ всегда двънадцатью копейками дороже!

«Вы найдете также на всъхъ частныхъ заводахъ, что мѣха весьма дурно устроены; воды много, но въ ней, по этому самому, всегда недостатокъ. Увидите также, машинъ чрезвычайно мало, все работается руками — отъ этого утрата времени, силъ, производство меньшее И дороговизна работъ. А почему? всему одна причина: безрасчетная жадность къ немедленной прибыли; мы все хозяйничаемъ, видите, будто заводу стоять только до будущаго года; нътъ, сударь, заводъ дъло въковое, онъ долженъ стоять и улучшаться съ году на годъ, до самого свътопреставленія вотъ какъ должно смотрѣть на горный заводъ!»

Не говоря уже о томъ, что все это было для Василька очень любопытно, Давидсонъ привлекалъ его къ себъ, какъ наружностію своею, живо напоминавшею стараго Маіора, такъ и прямодушнымъ, сердечнымъ обращеніемъ и страстною любовью къ своему искуству. Въ самомъ дълъ, какъ

пріятно видѣть человѣка, который знаетъ дѣло свое и преданъ ему душой и тѣломъ!

Въ три дня Василько обжился со всъмъ семействомъ Давидсона, былъ у него дома, свой, и когда вникъ и вошелъ, свътлымъ всъ части своимъ, \mathbf{BO} горнаго заводскаго производства, то передъ нимъ открылся, въ полномъ смыслѣ слова, новый міръ. Эта совершенно новая для Василька отрасль промышленности нашей, одна изъ важнъйшихъ въ Имперіи, заняла и увлекла его не менъе, какъ и голубоокая Молли, старшая дочь Давидсона. И не пеняйте ему за это, одно другаго стоило, покрайней мъръ въ извъстномъ смыслѣ: тамъ, на заводъ Давидсона, всюду видна была одна только цѣль, польза, расчетъ, прибытокъ; здъсь, въ дочери его, все было изящество, начиная отъ густой и долгой косы, обвитой вкругъ черепаховаго гребня, и до живой прозрачности ноготковъ и изящно отлитой или изваянной ножки; тамъ изумляла наблюдателя поражала эта исполинская дъятельность, кипучая жизнь, холодная, однообразная, расчитанная, HO ВЪ

огромныхъ размърахъ — здъсь, подъ легкой наружной оболочкой свътскаго приличія, скромности спокойной анг лійской И разсудительности, кипѣла умная мыслей роскошная игра чувствъ, И Василько, которымъ занимаясь теперь прилежно изученіемъ царства ископаемыхъ, далъ всѣ имена и названія драгоцѣнныхъ камней нашего Урала, и потомъ сравнилъ весь подборъ этотъ неоцѣненнымъ съ калейдоскопомъ, который оборачивать, перебивая положеніе камней, цълый въкъ, и всегда глазъ будетъ пріятно изумленъ нечаянностію вѣчно цвътка, узора или звъздочки, состоящихъ однакоже въ сущности все изъ однихъ и тъхъ же основныхъ самоцвътныхъ камней.

устройство Порядокъ И ВЪ представляли Давидсона туже паровую машину, въ маломъ видѣ, тотъ же заводъ, Каждый заведенные домѣ, часы. ВЪ отъ самого хозяина И начиная до судомойки, зналъ свое дѣло, и каждый Вставали занимался своимъ. опредъленный часъ, сходились за огромный

самоваръ, расходились и принимались за дъло; опять сходились, по бою часовъ, къ завтраку, опять отправлялись по мъстамъ и, въ положенное время, уже каждый стоялъ смиренно стуломъ своимъ, **3a** чтобы прочелъ вслухъ отецъ краткую молитву отобъдавъ, всъ снова принимались за работу и наконецъ уже, за самоваромъ, вкругъ вечернимъ котораго были блюда раставлены И тарелки холоднымъ жаркимъ, солониной, ветчиной, яйцами масломъ, сыромъ, ВЪ начинали жить для себя, отдыхать дневныхъ трудовъ въ семейномъ Дътей умывали и одъвали раза по четыре на день, въ положенные часы; **УТРОМЪ** бѣгали ОНИ какихъ-то парусинныхъ ВЪ которые каждый чехлахъ, перемънялись, а къ объду выходили въ опрятныхъ курточкахъ; старшіе сыновья занимались уже по заводу, въ двоякомъ смысль: во первыхь, они помогали отцу присматривать тамъ, гдѣ просто нуженъ быль глазь; а кромѣ того, они изучали по одиначкъ всъ части производства, для чего

и поступали въ науку по очередно, мастерамъ отдѣльныхъ Дочери раздѣлили все хозяйство собою и чередовались въ занятіяхъ своихъ, такъ, что по перемѣнно присматривали за за бъльемъ, столомъ, **3a** дътьми, чистотою въ домѣ; матери оставался только общій надзоръ и распорядокъ. Василько любовался каждый день этой картиной, когда утреннія заботы наставали, и каждая дочерей, до послѣдней, двънадцатилътней, приходили докладывать матери о состояніи и благополучіи имъ частей ввъренныхъ и принять сегоднишній день приказанія. Прислуги было въ домъ очень не много, но всъ успъвали, потому что никто ихъ не сбивалъ, никто не мѣшалъ, не отрывалъ отъ дѣла, и каждый зналъ опредълительно, что и въ какое время ему надо было сдълать. Сколько разъ въ недълю выгребать изъ камелька золу, сколько разъ выколачивать половики, круга и ковры, когда чистить въ цъломъ домъ мъдь и бронзу, на все это было точное и подробное положеніе, по

которому, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ столько Давидсонъ былъ уже на своемъ мъстъ – не было сдълано ни измъненій, ни дополненій; ПО неволѣ всѣ къ привыкли, и все шло, какъ по часамъ. Кухня у Елисаветы Самойловны, Давидсона, была, безъ всякаго сравненія, чище и опрятнъе моей и вашей гостиной; и ваша гостиная въроятно, какъ и моя, моется по разу въ недълю: а тутъ все, полки, столы, шкафы, поль - о посудъ я уже не говорю — мылись и скреблись каждый день; и это дѣлалось въ полчаса, потому что не давали грязи наростать и накопляться. Я васъ увъряю, что тотъ, кто не видалъ англійской кухоньки, себѣ не можетъ вообразить и представить, до какой степени она бываетъ чиста и опрятна. Это не голландская стряпная, гдѣ найдете ВЫ конечно не менъе чистоты и опрятности, но гдъ господствуетъ какая-то неумъстная изысканность и причудливое, безполезное убранство: здѣсь все просто, но все на мъстъ, своемъ все устроено ДЛЯ практической пользы, не для одного виду, а для дъйствительнаго употребленія.

образомъ Василько Такимъ прожилъ довольно долго, мъсяца два, и не замътилъ какъ время улетъло. Старикъ Давидсонъ, полюбившій пытливый, острый умъ познанія, легкость, понятливость, которою онъ усвоивалъ все, что ни видѣлъ, и горячность, съ которою онъ принялся за изученіе совершенно новой для него части, Давидсонъ держалъ Василька, уговаривалъ еще остаться, а Василько не видълъ, куда и за чьмъ ему торопиться, и говорилъ, какъ одинъ извъстный, почтенный человъкъ про знаменитый садъ свой: зачьмъ далеко? и хорошо! тъмъ болъе, здѣсь тобольской, томской иркутской И губерніяхъ нътъ конечно другой Молли, а симбирской, позади, тамбовской, ВЪ нижегородской и прочее, также не было; побывалъ, Василько уже оттуда тамъ прівхаль видалъ И не тамъ ничего подобнаго.

Наконецъ одинъ изъ прикасчиковъ, ѣздившій по дѣламъ заводскимъ въ

Екатеринбургъ, привезъ Васильку извъстіе, на его имя лежитъ тамъ на почтъ страховое письмо и давненько уже ожидаетъ. На письмъ написано: оставить собственныя почть и 68 Василько встревожился, вспомниль, что по оставленному у отчима путевнику, давно уже долженъ бы проъхать Екатеринбургъ, сообразилъ, страховое что непремѣнно содержать должно какую нибудь особенно важную въсть, потому что получалъ весь BO ПУТЬ письма страховыя – и хотълъ сейчасъ же скакать Екатеринбургъ. Ho Давидсонъ, распросивши дѣло, толкомъ чемъ ВЪ обыкновенною сказалъ, СЪ разсудительностію И положительностію своею: «Постойте, mister Fedoroff – такъ онъ звалъ Василька – постойте, это вздоръ. содержитъ извѣстіе, Если письмо которому вы, можеть быть, должны ѣхать домой, то вамъ не за чъмъ скакать теперь 300 верстъ впередъ, дальше отъ дому; если же извъстіе не такого роду, то вы также спокойно можете остаться здѣсь, у насъ, и

покуда вамъ выждать, его привезутъ. Времени вы не потеряете, потому что я долженъ опять же послать Екатеринбургъ нарочнаго; вы дадите ему довъренность на имя знакомаго мнъ горнаго офицера, заводскій исправникъ скръпитъ ее – мы съ нимъ въ большой дружбѣ — НО ДЛЯ върности, подкръпленія дружбы, мы пошлемъ нему, на всякій случай, голландскій сыръ, который здѣсь въ рѣдкость. – Бетси,» продолжаль онъ, обратившись къ женъ, ≪послать исправнику четверть сыра просить его, не сыръ то есть, а исправника, ко мнъ – и дъло будетъ въ шляпъ.»

На четвертый день нарочный воротился и привезъ Васильку письмо. Печать была содержаніе красная, НО его ДО ТОГО потрясло и поразило Василька, что онъ измѣнился мгновенно лицѣ. Оно ВЪ выражало что-то думное и тревожное. Въ губъ, чертахъ около не видно было глубокой горести, скорби, но черты выражали: что Василько тронуть, что ему больно; а глаза, лобъ и брови показывали какое-то безпокойство, какое-то постоянное изумленіе.

Василько просидълъ довольно долго одинъ, или проходилъ взадъ и впередъ по наконецъ вошелъ комнатъ: къ постучавшись напередъ въ дверь и выждавъ позволенія: come in! старикъ Давидсонъ, которому сказали, что письмо встревожило Василька. Разговоръ ихъ мы не слышали, но онъ длился болѣе часу; Василько читалъ новому другу письмо, говориль почти во все время съ большимъ одушевленіемъ, былъ тронутъ, нѣсколько останавливаясь, разъ, закусывалъ нижнюю губу, и она не много дрожала. Въ тотъ же день онъ сълъ поскакаль домой, ѣхаль все на почтовыхъ и гналъ, сколько могъ. Прощаясь съ нимъ, Давидсонъ пожалъ и тряхнулъ ему руку и сказалъ повидимому не шутя: «я съ вами не прощаюсь, мы еще увидимся: вы будете славный заводчикъ – рѣшитесь только кинуть безтолковое хозяйство cBoe, скучные урожаи и неурожаи, да привозите къ намъ чистыя деньги: если здѣсь начать

дѣло только съ двумя стами тысячъ, но пять, шесть лътъ не спрашивать доходу, то на седьмой вы получите 30, 40, а тамъ можетъ быть до 80 тысячь годоваго И доходу. Вы не будете хозяйничать такъ, какъ сосъдъ нашъ, который тъмъ не менъе званіемъ себя заводчика: честитъ посмотрите, управляющій нажегъ ему три горы Араратскихъ уголья, а работа стоитъ; почему? нътъ денегъ на уплату извоза, за доставку руды!! а? каково это? How do you like it? Знаете ли, miэter Fudoroff, что на Ураль, изъ числа 1866 частныхъ рудниковъ, разрабатывается не болѣе 23-хъ, и между прочимъ изъ 400 мѣдныхъ, только 30! Есть заводы, которые не въ состояніи платить работу, крестьянамъ иначе **3a** заводскими же издъліями – легко расчесть, сколько туть бъдному мужику хлопоть и убытку! Куда сколько онъ повезетъ продавать, глуши своей, ИЗЪ полпуда штыковой мфди или три пуда полосоваго жельза? Знаете ли, что Я засталъ заводской конторъ своей только два рода предписаній отъ прежнихъ владъльцевъ,

богачей, какъ говорили, миліонщиковъ, – 1-е высылать въ Москву всю выручку сполна, а заводскіе расходы прикрывать хозяйственными средствами, и 2-е строго наблюдать, чтобы крестьянъ-СЪ собиралось, новоженцевъ старому ПО 10 руб. обычаю, И шитому ПО ПО полотенцу!!! Я не шучу, miəter Fudoroff, я вамъ могу это показать за нумеромъ и за подписью заводчика!»

Въ Варшавъ, неподалеку отъ извъстнаго памятника славному Копернику, стоящаго довольно тѣсномъ мъсть, противъ выдавшагося острымъ клиномъ квартала, не подалеку отсюда, быль когда-то палацъ пана Грабія Кочатковскаго, по русски: домъ или дворецъ графа Пътушинскаго. Тутъ же, подлъ, была и знаменитая въ свое время кавеарня, кофейная, въ которой, во время отечественной нашей, бывало войны безвыходно толпились русскіе офицеры всъхъ полковъ и мундировъ. Тутъ же жилъ, знаменитый помните, граматикъ если польскій, который, сказывають, однажды продавцу, разносчику глиняной посуды, полъ-злотаго, чтобы ТОТЪ не кричалъ: гарнкувъ, рынкувъ! потому что это не правильно, а чтобы кричаль: гарнкувъ, рынекъ! И потомъ погнался разносчикомъ палкой, СЪ когда тотъ, поглядъвъ на граматика, какъ на какого нибудь полуумнаго, и отошедши шаговъ за сотню, началь опять, по старой привычкъ, горло: возглашать BO все Гарнкувъ, рынкувъ! Въ той же знаменитой кавеарнъ середамъ вывѣшивали ПО цвътной, бумажный, огромный фонарь, на которомъ было написано буквами, свитыми изъ розъ и незабудокъ: Пршіяцельскій баликъ или баликъ для пршіяцели. Здъсь толпился бывало сбродъ мущинъ, ВЪ **ГРЯЗНЫХЪ** сапогахъ, въ плащахъ и шинеляхъ, поднявъ еще стоячій воротникъ и закутывая лице, между тъмъ какъ музыка гремъла, и очень дамы сидъли нарядныя на взглядъ диванамъ отхватывали отчаянными И СЪ усачами мазурку.

И такъ, тутъ стоялъ дворецъ графа Кочатковскаго. Графа давно уже не было на свътъ, а Графиня лежала теперь на

Улица передъ одрѣ. смертномъ **ДОМОМЪ** соломой, устлана ксендзы, доминиканы и бернардины, цѣлый сонмъ врачей, множество офиціянтовъ, множество дъловыхъ людей, толпились въ передней и въ залѣ, между тѣмъ какъ во внутреннихъ покояхъ было нъсколько знатныхъ барынь. Наконецъ графиня дрожащимъ голосомъ попросила всъхъ вытти, потребовала себъ трехъ монаховъ, поименно, и въ томъ числѣ пріора или настоятеля, отдала имъ своеручно запечатанное ПЯТЬЮ печатями письмо, графа Базыля на ИМЯ Кочатковскаго, сказала, гдв его искать, отказала монастырю значительную сумму, чтобы настоятель тъмъ. обязался доставить письмо это въ собственныя руки графа; а черезъ нъсколько дней, во дворцъ графини все было тихо, мертво и пусто, она перебралась уже, потому что суетнаго и великолъпнаго жилья своего, въ твсную одинокую земляночку, И которую, какъ въ ловушку, есть входъ, а выхода нѣтъ.

Бублинскій былъ увъдомленъ обыкновеннымъ порядкомъ, скончавшаяся въ Варшавъ Графиня Юзефа Кочатковская представила, предъ смертію своею, законныя доказательства на то, что у нея былъ, отъ покойнаго Графа, сынъ Базыль, Василій, который оставлень ею, по тогдашнимъ смутамъ И переворотамъ Польши, въ Россіи, и именно въ такой-то губерніи, у пом'єщика Игнатія Бублинскаго; что часть отцовскаго наслѣдья передана была впослъдствіи опекуну И графа, томужъ Бублинскому, молодаго часть утрачена навсегда, поступивъ уже, со времени смерти старика, ВЪ руки дальнѣйшихъ наслѣдниковъ, потому графъ умеръ, не сдълавъ завъщанія и не объявивъ ничего о сынъ; а мать Василія, скончавшаяся, установляетъ нынѣ своего полнымъ И единственнымъ наслъдникомъ, какъ собственнаго своего имущества, такъ и законной доли своей отъ отцовскаго.

Почти въ тоже время, или еще нъсколько прежде, Бублинскій получилъ

бернардиновъ увъдомленіе отъ изъ Варшавы, что нихъ хранится, y ПО видимому важнаго содержанія письмо, на имя молодаго графа; что письмо это, по покойной графини, должно передано ему изъ рукъ въ руки, почему и просять увъдомить, какое угодно будеть графу сдѣлать счетъ на письма распоряженіе.

И вотъ извъстіе, которое получилъ Василько нашъ, будучи у Давидсона на заводъ, и которое его столько встревожило. Да и не мудрено; Василько быль твердо увъренъ, что онъ круглый сирота; ему и въ голову не приходило, что онъ по роду одинъ изъ первыхъ магнатовъ польскихъ и графъ – но на первый случай болѣе всего занимало, огорчало Василька и сокрушало его то, что онъ не зналъ и не видалъ матери своей, тогда какъ могъ бы еще узнать и увидъть ее, если бы только зналъ обо всемъ во-время поъхалъ И не на заводъ Давидсона, а въ Варшаву. Онъ отправился туда, пробывъ у отчима не болѣе двухъ сутокъ, но письма матери своей, которое

кинулся отыскивать въ самый день своего прибытія, монахи, не засталъ: тщетно ожидая мѣсяца три отвъта, потому Бублинскій не писаль, ожидая Василька со дня на день, отправили одного бернардина съ письмомъ этимъ въ Россію, отыскивать графа: графини вкладъ молодаго монастырь быль значителень, и настоятель считалъ священнымъ долгомъ исполнить за это волю усопшей. Случилось такъ, Василько съ этимъ посланнымъ разминулся и письма не засталъ.

Василько! Бълный нашъ какая неизъяснимая тоска одолѣла его, когда онъ поселился въ Варшавѣ, до окончанія дѣлъ огромномъ дворцѣ графовъ ВЪ Кочатковскихъ, одинъ одинехонекъ, среди нъсколькихъ десятковъ пышныхъ обширныхъ покоевъ, которые накрыли его молчаливыми, нѣмыми сводами своими, ограждая его отъ чуждаго, холоднаго свъта, роскошью расписныхъ мертвою золоченыхъ ствнъ! Онъ подошелъ, ВЪ неизъяснимой тоскъ, къ окну и взглянулъ на площадь: она кипъла народомъ, посреди коего возвышался, на мъдномъ съдалищъ своемъ, огромный мъдный Коперникъ, какъ великанъ между пигмеями – держалъ въ рукѣ изображеніе неподвижной своей вселенной, и казалось призадумался надъ суетностію и ничтожностію окружающихъ его обитателей, одной изъ едва видимыхъ точекъ вселенной этой. Василько вздохнулъ тяжело, ему сдълалось еще грустнъе. Ни толпа почтительныхъ слугъ и офиціантовъ, ожидавшихъ ежеминутно повелѣнія своего цѣлая господина, новаго ни друзей, родственниковъ услужливыхъ пріятелей всякаго разбора, съ чужими для него лицами и не братской душой, не могли его утъшить; его одолъла такая тоска, такая грусть, что онъ невольно вспомнилъ Кочердыцкомъ заводъ, среди исполинскихъ горъ, среди въковыхъ дремучихъ лъсовъ; семейство Давидсона засъдало тутъ передъ желѣзнымъ, расписнымъ тагильскимъ столикомъ и Молли задумчиво разливала чай: Васильку самому казалось, что кругъ кого-то достаетъ — ЭТОМЪ не добрый Василько самодовольно улыбнулся,

улыбнулся въ первый разъ, съ тъхъ поръ какъ былъ въ Варшавъ. Потомъ ему стало вдругъ жарко и душно, по кожъ пробъжалъ мурашками огонь -онъ сѣлъ башкирскаго иноходца, пустился ВЪ широкія заводскія ворота, повернувъ влѣво, мимо домика управляющаго, Давидсона, поклонился слегка у третьяго виднълось краю, гдъ платье — потомъ понесся все дальше дорогь, покуда Кочердыцкій заводъ вовсе, въ глубинъ потонулъ лѣсистой долины; Василько поудержалъ тамъ ретиваго пустилъ своего, конька шагомъ, своротивъ съ дороги опять на лѣво, остановился на одномъ ИЗЪ высокихъ хребтовъ средняго Урала. Всъ хребты пролегали въ дикой однообразности своей, прямо по полуденнику, отъ Съвера на Югъ; всъ горы напластованы были подъ сорока пятью градусами; всъ сопки, всъ верхи, были голы, обнажены, и по нимъ гребнями, выказывалась грядами, обвътрившаяся, темнобураго цвѣта, горнокаменная порода; всъ склоны поросли

сосновыми борами, а вершины ихъ опушены березнякомъ – эта однообразная, но дикая, величественная громадная, природа возстала передъ Василькомъ; онъ былъ не въ силахъ сидъть долъе, среди польской пушистомъ, баракановомъ столицы, на диванъ, вскочилъ теперь И поняль, что дъйствительно любить Марію, свою Молли, и что ему, чъмъ скоръе, тъмъ лучше, надо ѣхать на Уралъ. Василько покончиль дъла свои въ Варшавъ скоро, много-много недъли въ три, и поскакалъ опять домой. Онъ продалъ все недвижимое имъніе свое, въ томъ числъ и знаменитый дворецъ, нашелъ прочихъ ВЪ сонаслѣдникахъ, скорыхъ охочихъ И покупателей, былъ потому ЧТО самъ сговорчивый спѣшилъ продавецъ. Онъ продать все задешево, только бы выручить наличныя деньги.

Прибывъ на родину свою, Василько нашелъ ожидавшаго его бернардина съ извъстнымъ письмомъ. Если Василько былъ изумленъ въ высокой степени извъстіемъ, что онъ единственный сынъ и наслъдникъ

Польскаго Графа Кочатковскаго, новостію, которой онъ едва только начиналъ привыкать и обживаться съ нею, то конечно матери его, которое письмо совсъмъ другое и противное, должно было поразить его не менъе. Прочитавъ письмо Василько вспомнилъ мгновенно Савкину безтолковую сказку, И просидълъ на одномъ мъстъ, подпершись локтемъ, и прочитывая, отъ времени до времени, снова послъдній, да и то не живой, голосъ матери.

Объяснимъ напередъ всю загадку, а потомъ уже приступимъ къ содержанію таинственнаго письма.

Савкина сказка содержала, почти отъ довольно слова, странныя слова ДΟ похожденія младенчества Василька. Графъ Кочатковскій былъ Савкинъ Крутояръ: нъкогда любимецъ послъдняго Короля Польскаго, онъ впалъ впослѣдствіи былъ, принужденъ немилость, ВЪ неуклончивости своей, гордости И Россію, увезъ собою удалиться въ СЪ молодую и бездътную жену, не надъясь

даже имъть когда нибудь наслъдниковъ, потому что не могъ забыть словъ какой-то цыганки, предсказавшей ему, что онъ не увидить чада: и графъ понималъ слово: не увидить, въ томъ только смыслѣ, что дѣтей у него не будетъ. Но графиня вскоръ графа извъстіемъ, обрадовала которое, было изобличить должно повидимому, ненавистную цыганку во лжи. Между тъмъ графини и вслъдствіе тетка ея, причудливаго, дъдовскаго завъщанія, супругъ которому графа доставалось значительное имъніе, если она принесеть первенца сына, пріискали, про сроку, новорожденнаго запасъ И къ мальчика, которымъ бы можно подмѣнить младенца графини, если бы родилась дочь. Но родился сынъ, да сынъ шестипалый, и повидимому хилый; не сказавъ ни слова графинъ, подложили ей, вмѣсто подготовленнаго, здороваго ребенка, коего родители приняли въ обмѣнъ шестипалаго ея младенца. Чрезъ нѣсколько времени, мать графини, умирая, призналась самой ей въ подмѣнѣ, но не знала ни имени, ни мѣста

жительства родителей обмѣныша, потому что дѣло шло черезъ бабку, которой уже не было на свѣтѣ. Кромѣ того, графиня даже опасалась разузнавать много объ этомъ происшествіи, какъ для того, чтобы не разгласить его, такъ и для того, чтобы не встрѣтить въ сынѣ своемъ, какого нибудь страшнаго урода; къ тому же ее увѣрили, что дитя было слабое и не могло долго прожить.

Графъ вскоръ былъ снова вызванъ въ Варшаву, обстоятельства сдълались него благопріятнъе: онъ сначала поъхалъ одинъ, тѣмъ, чтобы СЪ напередъ осмотръться на мъстъ, а потомъ, выписать и графиню; но онъ пріѣхавъ скончался, а она, получивъ это извъстіе, поъхала туда одна, передавъ подмѣныша, чрезъ третьи руки, поляку же, Бублинскому, назначивъ ему, за воспитаніе Василька, значительную и кромъ того написала, на имя сумму, Василька, огромнаго Tyимѣнія часть своего, которою могла, законамъ, ПО свободно располагать. Теперь графиня пересказывала все это въ письмъ своемъ

Васильку, отказывала ему весьма значительное имѣніе, но заклинала всѣмъ, что для него свято, добиться до положительнаго извѣстія о настоящемъ ея сынѣ, «и если онъ живъ, помочь ему, чѣмъ и какъ будетъ въ состояніи, и не оставлять его никогда, признать въ душѣ своей покрайней мѣрѣ братомъ». Вотъ содержаніе письма.

Еслибы Василько, во время праздника Мелаши, Шпиговкѣ, именинъ случайно Савку расказать заставилъ сказку, то конечно не могъ бы теперь и подумать о томъ, чтобы найти затеряннаго графенка; гдъ его искать? Свътъ великъ, а примътъ и указаній никакихъ, ни даже имени или мъста жительства продажныхъ родителей – вспомните однако же, продажные родители эти, были настоящіе родители Василька, и что отыскивая своего двойника, настоящаго графа, Василько отъискивалъ съ тъмъ вмъстъ и отца своего и мать. И такъ онъ, вспомнивъ въ туже минуту, Савкину сказку – отгадалъ, или почти отгадалъ всю тайну, и послалъ, не

медля ни мало, бричку свою въ Шпиговку, съ запиской къ Сергъю Сергъевичу, въ которой просилъ убъдительно отпустить Савку, по очень нужному дълу, хоть на одинъ часъ.

И Савка сѣлъ въ бричку эту Савкой, а вылѣзъ изъ нея, когда воротился, графомъ Кочатковскимъ; а вслѣдъ за нимъ вылѣзъ, изъ той же брички, бывшій Василій Өедоровъ, бывшій графъ Василій Кочатковскій, а нынѣшній Савка, Савелій Грабъ.

Когда Савка прівхаль въ село Бублинскихъ, Василько позваль его къ себв, заперъ дверь и сказалъ прямо: «Савелій, я вызвалъ тебя за важнымъ дъломъ; растолкуй мнв сказку свою про князя Крутояра, назови кого назвать можешь, кого знаешь, не бойся ничего.»

Савелій глядѣлъ пристально на Василька, не зналъ что отвѣчать, и на повторительное требованіе его, сказалъ: «Видно я виноватъ, Василій Оедоровичъ, я подурачился, что расказалъ такую сказку — коли вы сами что объ ней изволите знать,

то будьте увърены, что у меня, во въкъ мой, объ ней помину не будетъ; а другіе, кто въ тъ поры слушали, чай давно уже ее позабыли.» Савка чувствовалъ, большую обнаружилъ тайну, принялъ встревоженное лице Василька за выраженіе неудовольствія, и потому отвъчаль ему извиненіемъ. Но Василько вскоръ добился истины, и Савка, въ свою очередь, не могъ опомниться отъ изумленія, когда услышаль, что передъ нимъ, въ лицъ Василька, стоитъ подмѣнышъ его, настоящій Савка.

Савелій протянуль лѣвую руку свою, вывернулъ **НИЖНИТ** краемъ ee ладони кверху, Васильку указалъ на очень явственный рубецъ, и сказалъ: «Вотъ онъ, шестипалый, передъ вами; другой мизинецъ выръзалъ мнъ какой-то полковой лекарь, еще въ малолътствъ, и помню я это, какъ во снъ.»

- Какъ же ты попаль въ крѣпостные къ Бабачку? Гдѣ и кто твой отецъ? —
- «Одного, перваго отца, вы изволили знать лучше меня, потому что я не зналь досель имени его и нынь въ первые отъ

другой васъ же слышу; a мужикъ, крестьянинъ нынѣшнихъ моихъ господъ, по имени Иванъ Грабъ; и онъ и мать живы, и о сю пору въ деревнъ нашей, въ Шпиговкъ – если изволите припомнить, противъ самого колодца, хатка почище другихъ стоитъ – она и выстроена на деньжонки, которыя взяли тогда за сына....» И остановился, вспомнивъ, проданный что сынъ этотъ стоялъ теперь передъ нимъ.

— Раскажи же мнѣ, Бога ради, какимъ образомъ ты все это узналъ? —

«Года тому съ четыре,» продолжалъ бишь Савка, — Василько, графъ ИЛИ Кочатковскій, то есть настоящій графъ, бывшій Савка, «года тому съ четыре, мать собиралась умирать и не думала, что будеть жива еще о сю пору. Стала ее совъсть мучить, что я не крещенъ: она позвала меня одного, безъ отца, безъ свидътелей, расказала мнѣ все, что сама знала: что я не ея сынъ, а сынъ какого-то Польскаго пана, котораго однако же не знала по имени; что меня подмѣнили ея сыномъ, который былъ уже окрещенъ Савеліемъ; меня же приняли

бабки рукъ княжей, ОМР СЪ не крестить-де нельзя a крещенаго, никакъ, потому что дитя ихъ было уже окрещено; по этому осталось при мнѣ имя Савелія, а настоящій Савелій, Богъ въсть гдѣ, на чужихъ рукахъ, да знать и подъ именемъ; ЧТО чужимъ она съ мужемъ согласилась на подмѣнъ этотъ, какъ уваженіе ста червонныхъ, такъ и разсудивъ, что сыну ихъ, коли доживетъ и выростетъ, будеть лучше жить княземь и бояриномь, чѣмъ мужикомъ; а что пріемышъ останется не крещенымъ, этого не думали и не знали, а послѣ полагали, что грѣхъ за это ляжетъ не на нихъ, они-де своего окрестили.»

Но Василько быль крещень, какъ сынъ графа, еще въ другой разъ, такъ сказать перекрещенъ католическую въру ВЪ названъ Базылемъ. Вотъ какая путаница званій житейскихъ родства, именъ, И отношеній: — тотъ и другой Савелій Грабъ, тоть и другой Василій Кочатковскій — тоть и другой графъ, тотъ и другой крѣпостной, и наконецъ, тотъ и другой по отцѣ одного исповъданія, а по воспитанію другаго! Если это не двойники, то двойниковъ нътъ на свътъ!

Василько, обнявъ и поцъловавъ Савку, сказалъ ему: «мы братья, насъ связало и горе и радость, и мы не растанемся, если ты меня не покинешь: но молчи до времени, не говори никому ни слова: прежде всего надо тебя выкупить; поъдемъ сейчасъ же вмъстъ въ Шпиговку.» Законъ гражданскій былъ на сторонъ Василька, потому что передъ закономъ нельзя было разоблачить обстоятельства доказать ЭТИ И которыхъ не было, истину; но Василько, въ душъ своей, не могъ уже сомнъваться въ справедливости Савкиныхъ словъ, показаніи родителей своихъ, И той Савку призналъ минуты законнымъ наслъдникомъ и графомъ.

Съли и поскакали — Василько хотълъ сейчасъ же упросить Степаниду Ооминишну уступить ему все семейство Граба, хотълъ также, прежде всего, увидъть и узнать наконецъ отца и мать; но доъхавъ до Шпиговки, раздумалъ и передумалъ все это по многимъ причинамъ, и высадивъ Савку,

покатилъ прямо къ Маіору: ему расказалъ онъ все, просилъ его быть посредникомъ и кончить дѣло съ Бабачками — дѣло въ самомъ дѣлѣ для Василька щекотливое. Василько рѣшился скрыть всѣ обстоятельства и выкупить Савку, со всѣмъ семействомъ его, подъ другимъ предлогомъ, чрезъ третіе лице; Васильку это казалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что Степанида Өоминишна могла заупрямиться, узнавъ дѣло, и отказаться отъ всякой сдѣлки.

Степанъ Власовичъ закричалъ въ одинъ голосъ: «чубараго у струментъ! хлопецъ! одягаться!» сѣлъ на струментъ свой и покатилъ — а Василько остался между тѣмъ у Маіора, выжидать конца.

Каково ему теперь было? кто разбереть и опишеть чувства и мысли его? кто съумъеть поставить себя въ полной мъръ на его мъсто, обмъниться на время съ нимъ, какъ и его самого нъкогда обмънили?

Маіоръ вскорѣ воротился, сладивъ дѣло: Степанида Өоминишна воспользовалась прихотью Василька выкупить Савку, со всѣмъ семействомъ, и взяла деньги

большія, но ей и въ голову не приходило, что Василько выкупаетъ роднаго отца и мать и своего двойника —тогда бы она распорядилась еще не такъ. Она во всю свою жизнь не могла забыть этой ошибки, опрометчивости и недогадливости, которая стоила ей многихъ безсонныхъ ночей.

Василько вошелъ ВЪ воскресенье утромъ, когда зналъ, что старикъ Грабъ долженъ быть не на работъ, въ хату его, сълъ, разговаривалъ нъсколько времени съ и со старухой, навелъ на извѣстное разговорѣ, происшествіе, чтобы увидъть, какъ ОНИ ПОМЯНУТЪ пропавшаго безъ въсти сына; И вдругъ, обнявъ отца и мать, сказался этимъ сыномъ. «Охъ мини лышечко» кричала перепуганная на смерть старуха, «охъ мини сгубыла лышечко, бидну Я свою головоньку!» Долго не могли ОНИ большаго опомниться, И труда стоило Васильку успокоить и вразумить ихъ заставить понять развязку.

То-то быль пиръ, для любознательныхъ помъщицъ цълыхъ двухъ или трехъ

уѣздовъ! сколько было тутъ гону и разгону бъднымъ лошадямъ, сколько стуку и бряку знакомой уже намъ клёпани, сколько было туть татаканья и казаканья въ запуски со всѣми гусиными гуртами вселенной — долго наговориться угомониться могли И тетушки кумушки И свашеньки, которыя все знали, а между тъмъ ничего не знали; долго не могли онъ поръшить дъло это и сдать его въ архивъ, хотя все шло безъ нихъ своимъ чередомъ и никто, изъ прикосновенныхъ, объ нихъ не заботился.

Старикъ Иванъ Грабъ, старуха подложный ихъ Савка, перешли сынъ вскорѣ на житье къ Васильку, и это дѣло было кончено, хотя Степанида Өоминишна кричала, что ее обманули, бранила Василька, Сергья Сергьевича, Maiopa, который-де ни о чемъ не заботится благословляла, ничего не знаетъ; HO судьбу вслухъ, свою, вздыхаючи Господь ее сохраниль, что не отдала родной дочери, Мелаши, за мужика.

Дѣло, относительно имѣнія Василька, которое было подъ опекою у Бублинскаго,

себя которомъ на также взялъ переговорить Пушка, было не такъ легко доброму Васильку кончить, стоило И многихъ огорченій. хлопотъ многихъ И Ръшительно избъгая тяжбы, и желая при кончить все какъ онжом скорве, принужденъ былъ сойтись Василько Бублинскому онъ сдѣлалъ мировою; значительную уступку, которую этотъ не постыдился принять, написавъ своею рукою условіе, гдѣ говорилось, между прочимъ, особою статьею, что воспитанникъ уступаеть ему, изъ благодарности, накопившіеся проценты и хозяйственныя приращенія, за все время управленія, и требуетъ только имъніе свое въ такомъ видѣ, было какъ ОНО передано Бублинскому, за двадцать передъ этимъ лѣтъ.

Василько, принявъ имѣніе свое, лежавшее въ томъ же уѣздѣ, продалъ его тутъ же, за наличныя деньги, а самъ даже и не съѣздилъ туда, не поглядѣлъ на него; онъ чувствовалъ, что если познакомится сколько нибудь съ мужиками своими, то

ему тяжело будеть перепродавать ихъ въ чужія руки.

За тъмъ Василько передалъ Савкъ все, что получиль въ наслѣдство, какъ сынъ графа Кочатковскаго; а себъ оставилъ ту получиль отъ которую Такимъ образомъ, Савка сдѣлался гораздо Василька. Савка непритворно Василька этого, отговаривалъ ОТЪ долго отнъкивался, и наконецъ оба кончили что раздълили все имущество, уже состоявшее ВЪ одной наличности, пополамъ. Василько былъ счастливъ душъ, что сдълался, сверхъ всякаго чаянія, русскимъ; ОНЪ досталъ метрическое свидътельство о крещеніи своемъ, просилъ отца, чтобы онъ благословилъ его тъльнымъ крестомъ, и помънялся имъ съ Савкою, носившимъ тотъ самый тъльникъ, который быль, въ былое время, и на Василькъ. Новые побратимы, побратанцы, названые братья, жили съ этого времени, какъ мы увидимъ, не разлучно. Но Василько уступилъ честнаго имени своего побратанцу, а сталъ именоваться отнынъ,

TO законное позволеніе, выходивъ на Савеліемъ Грабомъ; а Савка много смѣялся и острилъ на свой счетъ, когда онъ былъ признанъ Грабіемъ паномъ Базылемъ Кочатковскимъ, и махнувъ рукой, сказалъ: «Ну его, графа того, къ семи Семіонамъ! ты будешь Савелій Грабъ, а я буду Савка Грабъ; ты будешь по отцъ, Ивановичъ, а я, такъ какъ уже затесался нынъ въ овичи, буду Өедоровичъ, вотъ тебъ и шито крыто!»

Бывшій Василько, нын вшній Савка Грабъ, списавшись напередъ СЪ Давидсономъ, прівхалъ на Уралъ самъдругъ, съ новымъ графомъ, и основалъ, вмъстъ съ нимъ и съ помощію Давидсона, заводъ. Бывшій Савка сдълался вскоръ такимъ машиннымъ мастеромъ, что старикъ Давидсонъ не разъ съ нимъ совътовался, когда устанавливалъ заводъ на своемъ большую и сложную паровую машину. Мы говорили уже, при самомъ вступленіи, что Савка былъ самоучкой большой источникъ и художникъ на всѣ руки; увидавши койчто путное, и поучившись практически, на англійскій манеръ, онъ постигъ всю сущность механики, и она сдѣлалась любимымъ его занятіемъ.

Похожденія и приключенія двойниковъ были расказаны ими обоими, за вечернимъ самоваромъ Давидсона, и общее удивленіе участіе возрастало непрерывно, поздней ночи. Молли не откинулась отъ – какъ его назвать? – отъ бывшаго Вильяма, за то, что онъ сталъ нынъ Савеліемъ, а Давидсонъ продолжалъ называть его miэter Fedoroff – по старой привычкъ, даже Молли была уже тогда, когда Савелія Граба. Черезъ годъ со днемъ графъ женился на второй дочери Давидсона, а тутъ подъѣхалъ къ нимъ въ помощники, по письменной и счетной части, Евстратъ Горемыкинъ, молодою Богдановичъ СЪ женою, Меланьею Сергъевной. Какъ это случилось? просто: Степанида очень Ооминишна по нечаянности скончалась, какъ выражался самъ Сергъй Сергъевичъ; а желанію и счастью Меланьи этотъ, противился. Родители Василька, двойника Савелія, ѣхать изъ Малоросіи не пожелали,

и были очень довольны, когда сынъ купилъ имъ хуторокъ, не подалеку отъ родины ихъ, съ садочкомъ, въ которомъ росли вишни, яблоки, груши и сливы. Старикъ, подчищая деревья свои, благословляль сына, и послъ сбора каждаго осенняго плодовъ, синей свиткъ своей отправлялся, ВЪ высокой, смущатой шапкъ, съ поповскимъ Шпиговку, посохомъ, ВЪ увъдомлялъ черезъ сына, посредство краснорѣчиваго пера церковнаго причетника, объ урожаѣ, не забывая ни одного раза объяснить причетнику снова, тамъ, пидъ самисинькимъ что «ажъ Катерынбургомъ,» \mathbf{y} сына свой его «зализный и мидный заводъ» и что сынъ его угодилъ въ графы.

Василько, составивъ себъ, вмъстъ Савкою, огромное состояніе, убъдился на Давидсонъ дълъ. не хвасталъ, ЧТО говорилъ правду: Уралъ нашъ воздаетъ сторицею за труды, заботы, издержки и попеченія наши; но надобно быть самому покрайней заводчикомъ, или положиться честнаго И знающаго на

человъка, и думать не за одинъ годъ, а за все будущее время: то есть, не требовать, чтобы заводъ выручилъ нынъ же какъ больше, чтобы управляющій онжом онжом болѣе высылалъ только какъ денегъ, которыя нужны наличныхъ пировъ и раутовъ въ столицѣ, а привести сперва заводъ въ надлежащее состояніе; будеть содержать себя тогда онъ хозяина своего, въ противномъ же случаъ оба разорятся.

Я позабыль сказать еще, что Сергъй Сергъевичь съъздиль въ Кіевъ на контракты, и привезъ себъ кіевскія гусли, чистой отдълки и очень звучныя. На крышкъ были, какъ водится, три картины изъ Ветхаго Завъта, разгороженныя одна отъ одной золоченой филенкой: столпотвореніе вавилонское, поклоненіе златому тельцу и цъломудренная Сусанна.

В. ДАЛЬ